

НКЧ К84.09(=Чув)

Г83

К-55002

ИЗМАИЛ ГРИГОРЬЕВ

НА СЛУЖБЕ СОЛДАТСКОЙ

ЧУВАШСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Национальная библиотека ЧР

k-056002

ИЗМАИЛ ГРИГОРЬЕВ

НА СЛУЖБЕ СОЛДАТСКОЙ

Тăван литература классика
ырăш-канăш ескен
кавар тĕрĕмĕ тĕрĕс,
хисемĕ те сунă Василий
Иванович Давыдов-Андреев
сунă суса парислăх
хаман çакă пĕткĕсĕ

И. Григорьев

Августин Ч. мĕн
Кăкшăм сĕрмĕвĕ

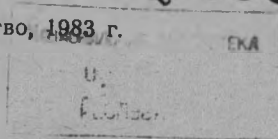
83. 3p7
Г 83

Проверено 14 АВГ 2017

Г $\frac{0763-056}{М 136(03)-83}$ 76-83 4702010200

K-56002

© Чувашское книжное издательство, 1983 г.

КАРАВАЙ

Полдень. Над учебным полем уже в который раз перекатывается гулкое «Ура!» Воины учатся наступать.

Взглянув на часы, руководитель занятий объявляет перерыв.

Разгоряченные «боем», заметно уставшие, солдаты валяются на сухую траву:

— Ух, благодать!

Скоро, устроившись поудобнее, один уже читает газету, другой строчит весточку домой. А иные лежат просто так на спине, глядя в голубое бездонное небо. Отдыхают.

Рядовой Алексей Приходько, вчерашний механизатор с Кубани, развязал свой вещевой мешок, достал оттуда пышный пшеничный каравай с коричневой, поджаристой коркой и расписную деревянную солонку:

— А ну, ребята, теснее в круг! Приглашаю на хлеб-соль!

Все удивленно посмотрели в его сторону: что это, мол, еще за хлеб-соль?

— Товарищ сержант,— обратился Приходько к командиру отделения Юрию Гусятникову.— Прошу! И пригласите товарища лейтенанта. Каравай будем пробовать.

Когда лейтенант подошел, Алексей объяснил:

— Понимаете, вчера посылку из дома получил. Открываю, а там — этот вот каравай... Из муки нового урожая. Наш колхоз перевыполнил план хлебосдачи. Земляки пишут, мол, про нас и по краевому радио сообщали, и в газетах... Вот мать и испекла этот каравай: отведай, мол, сынок, нового хлебushка и товарищей угости. Разрешите разрезать?

— Пожалуйста, Приходько. Мы с удовольствием!..

Алексей бережно взял в руки каравай и, прижав его

к груди, отрезал горбушку. Круто посыпал ее солью и первому передал лейтенанту.

ЦВЕТЫ У ОБЕЛИСКА

Подразделение мотострелков совершало многокилометровый марш-бросок. Колонна машин остановилась на малый привал на окраине небольшого села. Кто-то из солдат заметил неподалеку обелиск-пирамиду с красной звездочкой:

— Смотрите, ребята, памятник! Подойдем?

Пирамида была деревянная. На темно-серой поверхности двух ее граней белели аккуратные столбики фамилий. На третьей стороне, обращенной к селу, солдаты прочли: «Вечная слава героям, павшим за нашу Родину!» Вокруг памятника разбиты цветочные клумбы.

Сняли пилотки, помолчали.

— Ай, вай!— нарушил молчание водитель боевой машины ефрейтор Георгий Гоберидзе, наклонившись к цветам.— Пить хотите, красавицы мои?

Он отстегнул от ремня солдатскую флягу с водой и стал поливать живительной влагой склонившие от жары головки «анютиных глазок», ромашки, флоксы.

Так же поступили и остальные. Каждый молча снимал с ремня флягу и поливал цветы.

— Вот теперь порядок,— сказал Георгий.— Будете жить. А нам пора — служба.

Жара в тот день была, казалось, невыносимой. Но о воде никто не заговаривал.

ТЮБЕТЕЙКА

В солдатском клубе готовились к концерту художественной самодеятельности. Все шло по плану, своим чередом. Один лишь рядовой Николай Ермолайкин, исполнявший танцы народов СССР, нервничал:

— Во всей части нет тюбетейки!

— Откуда же ей быть? — смеялись товарищи.— Здесь одни пилотки, фуражки да шапки-ушанки. Здесь армия!

— Да нельзя мне без нее, поймите! Что за узбекский танец без тюбетейки?

— Слушай, а ты сходи к рядовому Оразбаеву в соседнее подразделение,— посоветовал Николаю рядовой Петр Усиевич.— Он ведь узбек...

— Это какой Оразбаев? Отличник, портрет его еще на доске Почета висит... И соревнуется он с Арменом Акопяном из нашего взвода. Он, что ли?

— Он самый. Его Туйча зовут...

— Ну, а мне-то он чем поможет?

— Говорят, мастер на все руки: и портной, и сапожник. Может, и тюбетейку сошьет?

Пошел Николай к Туйче Оразбаеву. Объяснил, в чем дело.

Оразбаев выслушал просьбу, помолчал немного, видимо, что-то прикидывая в уме. Потом сказал:

— Магазин военторговый не закрыт еще?

— Нет, он до шести.

— Сделаю. Завтра вечером будет готово.

И смастерил ведь тюбетейку! Да еще расшил ее цветным шелком. Красиво получилось!

На концерте Николай Ермолайкин танцевал лихо, от души. Ему долго аплодировали, а Туйча Оразбаев, сидевший в первом ряду,— громче всех.

ПИСЬМО

На итоговых занятиях отличился рядовой Анатолий Попов. Он мастерски, первыми же очередями поразил все мишени. Наблюдавший за стрельбой генерал с похвалой отозвался о действиях солдата, объявил ему благодарность.

Вскоре ефрейтор Алексей Трофименко, ротный агитатор, уже выводил красным фломастером на листовке «молнии» призыв: «Стрелять так, как рядовой Попов!»

— Ну, молодчина!— дружно радовались успеху Анатолия сослуживцы.— Поздравляем!

— Отцу напиши,— положив Анатолию руку на плечо, сказал его друг рядовой Костя Беляков.— Прямо отсюда, со стрельбища и напиши. Ему, фронтовику, знаешь, как будет приятно!..

— Да, надо бы,— согласился Анатолий,— конверта только не взял.

— А ты треугольничком, как с фронта когда-то посылали.

Анатолий примостился тут же, на небольшом, заросшем травой бугорке, стал писать. Потом свернул листок треугольничком, указал на одной его стороне адрес и отдал письмо ротному почтальону рядовому Василию Даниловичу.

Но когда тот принес треугольник вместе с другими солдатскими письмами на почту, сортировщица Оля, обычно приветливая, нахмурилась и наотрез отказалась принимать письмо Анатолия: «Такое не возьму, не по инструкции!»

Пришлось Василию терпеливо объяснять девушке, что письмо это не простое, особое, что адресовано оно отцу лучшего в их роте солдата, ветерану-фронтовику...

Наконец, проштемпелеванный треугольник лег в общую стопку конвертов.

... Утром, перед уходом на работу, Анна Владимировна заглянула в почтовый ящик. И обмерла, увидев в нем белый треугольник; так живо вдруг вспомнилось то далекое, грозное время, когда шла война, когда ждала она с фронта весточки от мужа...

Дрожащими руками Анна Владимировна взяла письмо, пригляделась к адресу: «От Анатолия вроде, от младшенького. Его почерк...» И хотя видела, что письмо было адресовано не ей, а мужу — «Попову Ивану Никифоровичу» — не удержалась, развернула треугольник: «Уж не случилось ли чего с сыном...»

Прочитала первые торопливые строчки, вздохнула облегченно: «Все в порядке!»

К вечеру о необычном письме и о благодарности генерала знали уже все в селе. Первой к Поповым явилась их дальняя родственница, бабка Пелагея. Сделала вид, что о письме и знать ничего не знает.

— Телевизор у меня сломался, а нынче кино, говорят, интересное. Дай, думаю, загляну...

Пришла Ульяна, мать одноклассницы Анатолия — Лариски, с которой он переписывается:

— Слыхала, весточку от сына получили. А нам что-то давно нет. Что пишет-то?

Потом заглянули соседи, родня Поповых. Народу набралось — полна изба. Подержали треугольник в руках, вспомнили войну, тех, кто не вернулся... И поплакали — не без того. И порадовались — хорошие сыны выросли, хорошая смена отцам!..

А когда гости ушли, Анна Владимировна достала из

серванта картонную коробку, где хранились фронтовые письма мужа, и поверх пожелтевших от времени треугольников положила еще один — от сына-воина.

ВЫМПЕЛ В КАБИНЕ

Ехали по лесной просеке. За стеклом кабины проплывали деревья, кусты. Мощный «Урал» легко преодолевал ухабы, ямы, разбрызгивая теплую, застоявшуюся в них воду.

Обычно разговорчивый, острый на язык, водитель рядовой Алексей Архипкин угрюмо молчал. Рядом с ним тоже молча сидел младший сержант Владимир Суханов, командир отделения. С Алексеем они выросли в одном городе, но до армии друг друга не знали. А познакомились на призывном пункте. С тех пор вот уже полтора года дружат.

Молчали долго. Первым заговорил Владимир:

— Ты что ж это насупился, будто ежа проглотил?

— Да ну!.. — отмахнулся Алексей.

— Недоволен, что за первый этап марша не тебе вымпел дали, а Пчелинцеву? Ну, признавайся, ведь Пчелинцев — водитель что надо!..

— Да что вы все с ним носитесь? — взорвался Архипкин. — Пчелинцев то, Пчелинцев се... «Молодец», «Настоящий комсомолец!» Захвалили... Да Пчелинцев только-только в армию пришел, а у меня уже тогда второй класс был. А чем я хуже его действовал сегодня по тревоге! В парк кто первый прибежал и запустил двигатель? Тебя ж даже ни разу не качнуло!..

— Да, водишь ты классно, слов нет. Но скажи, а кто в парке по тревоге лопату долго искал? У кого топор оказался со сломанным топорием?.. Машина-то у тебя была не укомплектована!

— А, нашел причины! — огрызнулся Алексей. — Придирки. Все это мелочи, главное — мотор! и — «крепче за баранку держись, шофер...»

Выехали на шоссе. В это время у идущей впереди машины красным светом вспыхнул стоп-сигнал. Колонна остановилась.

Привал!

Прозвучал сигнал на завтрак. Архипкин, все так же угрюмо насупившись, достал из вещмешка котелок,

ложку, кружку и молча зашагал в сторону полевой кухни.

Когда он проходил мимо машины рядового Аркадия Пчелинцева, тот тщательно протирал тряпкой забрызганные грязью стекла кабины своего железного коня.

«Ишь, вылизывает,— сердито подумал Архипкин.— Чистая, хоть сейчас в бокс ставь...»

Отойдя несколько шагов, он не удержался, украдкой бросил торопливый взгляд на машину Пчелинцева. Сквозь вычищенные стекла кабины алел шелковый флажок, на котором золотом было вышито: «Лучшему водителю».

«КОСМОНАВТ РУКУ ЖАЛ»

Такого удара молодой солдат Фаргат Гафуров не ожидал. И в школе, и на призывном пункте только и говорили, что о специальностях летчиков, ракетчиков, танкистов. В мечтах Фаргат видел себя даже космонавтом. А тут сразу как ушат воды на голову:

— Вы направляетесь в школу армейских кулинаров.

Первое время Гафуров даже домой писать об этом стеснялся. Но служба есть служба, и тут ничего не поделаешь. Поваром так поваром. Командирам виднее. Специальность освоил на «отлично». Назначение получил к нам в роту. И вот—не нахвалятся своим поваром солдаты.

... По колонне объявили малый привал. Промерзли воины на ледяном ветру.

— Щец бы сейчас горяченьких!— мечтательно произнес один из солдат.

А походная кухня уже тут.

— Подходи!— командует Гафуров. И от одного запаха у солдат на душе веселее стало.

— Ну, спасибо, дружище!— хвалит повара младший сержант Карпов.— Теперь можно «повоевать».

Много поощрений получил за свою ревностную службу Фаргат Гафуров.

— Ну, а космонавт здесь при чем?— спросите вы.

А вот при чем.

Слышал я недавно такой разговор на кухне. Фаргат «бушевал», как щи на жарком огне.

— Поваром быть, говоришь, не почетно? Космонавтом тебе хочется быть?—отчитывал он молодого солдата в белом колпаке.

— А ты знаешь, кому первому подал руку Андриян Николаев после восемнадцати суток полета? Повару! За его земные щи.

— Ну да? — недоверчиво переспросил солдат.

— Вот тебе и «ну да!» — отходя, ответил Фаргат.— Большое тебе, брат, дело доверили. Цени это.

ЧАСЫ

Подполковник Александр Константинович Колокольников, получив телеграмму от сына-офицера, разволновался. Вот и едет Виктор в свой первый отпуск. Лейтенант. Командир взвода. А давно ли играл в войну с мальчишками во дворе? Потом был курсантом...

Вспомнилась поседевшему подполковнику своя лейтенантская юность. Годы тяжелые, послевоенные, наполненные трудом. Хорошую смену себе они, ветераны, вырастили. Вот и его сын встал в армейский строй. Пишет теперь: не волнуйтесь, мол, отцы. Уйдете в запас, мы, сыновья, продолжим ваше дело... «А ведь, пожалуй, и впрямь пора в запас...» — подумал Александр Константинович.

Свое он отслужил. Много появилось в волосах седины. И медалей полна грудь. Награжден двумя именными часами. Одни — от командующего войсками округа, вторые — от министра Обороны.

Часы министра носит сам. А первые, от командующего, передал Виктору, когда тот окончил военное училище. «Лучшего подарка и придумать нельзя в честь такого события», — решил тогда Колокольников.

И вот прошел год. Дела у сына-лейтенанта идут хорошо. Взвод, которым командует Виктор, передовой. Все это радовало отца.

Наступил день приезда Виктора.

Крепкие объятия, радостные возгласы:

— А ну, покажись, покажись!.. Возмужал!..

Вдруг взгляд Александра Константиновича случайно упал на руку сына. На ней вместо отцовских часов красовались новенькие «Командирские» в золоченом корпусе.

Настроение сразу упало. «Мои часы не стал носить, — хмуро думал подполковник. — Конечно, «Победа» сейчас не в моде. Куда приятнее и современнее «Командирские».

Что-то похожее на ревность шевельнулось в душе ветерана.

Потом, в суете дня, он забыл о часах. Вспомнил уже вечером за столом. Опять заняло где-то в душе Колокольникова.

Положение спас сам Виктор. Заметив, как обидчиво поглядывает отец на его руку с часами, он понял в чем дело.

Лейтенант встал из-за стола. Достал из чемодана отцовскую «Победу» и сказал:

— Спасибо тебе, папа, за часы! Теперь возвращаю их назад. Они твои, законные. Ношу вот эти. Тоже от командующего. Заслужил на последних учениях...

Лицо Колокольникова вспыхнуло радостью. Он крепко обнял сына.

ЯБЛОКИ ДЯДИ АРКАДИЯ

Рядовому Александру Васильеву пришла посылка с яблоками, сочными, сладкими, душистыми, какой бывает антоновка, охваченная морозцем.

— Ты волжанин, Васильев, а посылка с Украины, — полюбопытствовал сослуживец рядовой Иван Акмаров. — Как объяснить?

— Яблоки от дяди Аркадия, — с гордостью ответил солдат. — Угощайтесь, пожалуйста.

Друзья ели антоновку, хвалили наперебой.

— Это не простые яблоки, — сказал Васильев. — Они имеют свою историю...

А история была такова.

Отец Александра Васильева во время Великой Отечественной войны был командиром танка. В его экипаже служили войны разных национальностей: заряжающий был татарин Ахмет Садыков, механик-водитель — украинец Аркадий Резниченко, наводчик — русский Алексей Иванов.

Однажды экипаж получил боевую задачу: поддерживать мотострелковое подразделение, наступающее на

железнодорожную станцию. Бой был жестоким, но станция оказалась в наших руках.

После боя танк остановился в заброшенном саду. Экипаж выбрался из машины для отдыха.

— Что ты наделал, Аркадий? — воскликнул Садыков. — Зачем ее так?

Оказалось, танк наехал на яблоню и смял ее.

— К тому же яблоня не простая, антоновка, — полу-серьезно сказал Васильев. — Знаешь, какие вкусные плоды бывают после первого мороза? Объединение.

— Наказать механика-водителя за неосторожность, — посоветовал Алексей Иванов.

— А что, правильно, — подхватил командир. — Наказать так, чтобы на всю жизнь.

— Вернусь с фронта, — мечтательно проговорил Аркадий, — посажу яблоню-антоновку, а как только даст она плоды — пришлю всем посылки.

— Смотри не обмани.

— Не обману, друзья. Клянусь...

Первые яблоки от дяди Аркадия пришли в семью Васильевых, когда Александр был уже в третьем классе. Посылки шли каждый год — фронтовая клятва оказалась сильнее всяких обязательств...

— И вот дядя Аркадий, узнав, что меня призвали в армию, — сказал рядовой Васильев своим друзьям, — прислал яблоки и мне. Пожалуйста, угощайтесь.

ПОКЛОНЫ СТАРУШКИ

Это было на тактическом занятии. В пути наша машина остановилась в небольшой деревне. К нам подошла старушка с девочкой, видимо, внучкой.

— Тут нынче военные уже проезжали, — охотно вступила она с нами в разговор. — Мне вот помощь оказали. Сажу дома, слышу шум машин, думаю, зятек приехал за мной. Он, Михаил-то, на машине зерно от комбайнов возит. Обещал заехать и отвезти меня на фельдшерский пункт, на перевязку. Рука-то у меня, сыночки, нарыва-ет... Вот открыла окошко и смотрю, а тут машина с красным крестом на боку к колодцу подъехала. В машине солдаты. Ну, думаю, раз машина с крестом, так, может, и фельдшер есть. «Светлана, — говорю внучке, — сбегай

к дядям-солдатам, может, у них фельдшер там есть». Внучка-то у меня боевая.

И вот привела она ко мне лейтенанта. Александром звать. Вежливый такой! Где, говорит, бабуса, болит? Рука, отвечаю, милый сыночек, нарываает.

Он осмотрел рану, положил мази, припудрил кое-где и так аккуратно, не спеша, перевязал.

Сынок, говорю, может тебе деньги дать за работу?

И сейчас до сих пор жалею, что сдуру-то брякнула о деньгах, обидела человека. Ведь в погребе у меня яблоки были моченые, вот и надо было угостить. Растерялась сразу-то.

А он мне в ответ: «Бабуса, мне лучшая плата, когда у вас все быстро заживет».

Вот так-то, милые. Молоденький лейтенант, а дело понимает. Теперь еще дня три можно без перевязки быть.

Может, вы его знаете, Александра-то? Так передайте ему мое спасибо, сынки.

Вскоре мы поехали дальше. А старушка с внучкой махали нам вслед руками.

На следующий день я встретился с врачом части лейтенантом Казачковым. Его Александром звать. Спросил, не он ли проезжал деревню в лесу.

— Да,— говорит,— проезжал, а что?

— Старушка там тебе поклоны передает за перевязку.

— Было дело,— улыбнулся лейтенант Казачков.— Спасибо.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В тот день рядовой Вячеслав Дрождин проснулся за несколько минут до подъема. По падающим на спинку кровати и на табуретку ярким солнечным лучам он определил, что день должен быть теплым. Это его обрадовало. В день его рождения все должно быть хорошо. И всем хорошо. Ведь когда на улице тепло — это уже известно, что всем хорошо. Вот если бы еще в этот день можно было всех накормить вкусными вещами. Во всяком случае, дома это совсем неплохо получалось. Все родные и знакомые, которые приходили к Вячеславу поздравить его, еще с порога улавливали аппетитные запахи из кухни, где с утра хлопотала мать. Яблочные пиро-

ги и соленья, торты сводили с ума всех любителей сладкого.

Вспомнилось, как в прошлом году в средней школе, где он работал учителем рисования и черчения, пятиклассница Света Иванова от имени учеников поздравила его с днем рождения и вручила цветы.

День рождения в армии другое дело. Тут все по-другому. Тут не до нежностей, не до сантиментов. Если каждому будут отмечать его «очередь» — «юбилей», — службу нести будет некогда.

И вот команда: «Подъем!» Через несколько минут солдаты уже в строю. Вячеслав, как всегда, занял свое место одним из первых. Но он успел заметить на стене плакат. К правому углу его прикреплен букет живых цветов, а по всему плакату крупными буквами надпись: «Поздравляем рядового Вячеслава Дрождина с днем рождения!» И сразу посветлело у него на душе.

На разводе для занятий командир перед строем поздравил солдата с днем рождения, пожелал дальнейших успехов в боевой и политической подготовке, здоровья и счастья, и весь строй улыбнулся. А на обед, на обед-то сам повар рядовой Гвалия принес имениннику два шампура, унизанных ароматными кусочками баранины.

— Кушай, амиго. Если скажешь, что я плохой шашлычник, все равно не поверю.

Вячеслав даже растерялся. Ну кто это мог угадать его желание? Впрочем, дня три назад, в час личного времени, он рассказывал, как участвовал в студенческом стройотряде на Кавказе и каким чудесным шашлыком там их кормили. Даже язык во время рассказа проглатывал. И вот ведь кто-то «доложил» об этом Гвалии...

После обеда ротный почтальон рядовой Широков принес в казарму целую пачку писем и телеграмм на имя Дрождина. Поздравляли родители, родные, товарищи по школе, в которой работал. И конечно, ученики шестого «А» класса, которых он оставил, когда тот был еще только пятым «А». Но все равно ребята по-прежнему считают его своим классным руководителем.

День был как день. Все, что полагается делать солдату, Вячеслав делал. Но все равно это был особенный день. День, согретый улыбками.

ДРУЖБА МУЖСКАЯ, СОЛДАТСКАЯ

Трудовой день подошел к концу. Но водители не уходили из парка. Из рейса еще не вернулся рядовой Соколов. Думали: что-то случилось с машиной. Но не с машиной, а с водителем. Он «просто» заехал к знакомой девушке.

— Своим поступком Соколов показал, что ему безразлична честь коллектива,— говорил на комсомольском собрании Георгий Нариманидзе. Его поддержали рядовые Лев Мартиросян и Владимир Курамшин.

Эти слова Георгия крепко запомнились молодому водителю рядовому Соколову. Вначале обиделся было Александр на Нариманидзе. «Двуличный человек,— подумал он о Георгии.— Любит рассуждать о верности, читает стихи о любви, а на собрании попрекает за дружбу с девушкой».

Это и высказал Соколов ефрейтору Нариманидзе после собрания.

Георгий на сослуживца не обиделся.

— Понимаешь, Саша,— убеждал он товарища,— дружба должна вдохновлять на хорошие дела. Вряд ли твоя девушка одобрила бы твой поступок, если бы узнала, что ради нее ты подвел командира, товарищей.

Через неделю после этого разговора ефрейтор Нариманидзе и рядовой Соколов выехали в рейс. Александр следовал за Георгием и нет-нет да и поглядывал за тем, как тот ведет машину...

На лесной дороге случилось непредвиденное. Александр увидел, как впереди идущая машина медленно объезжает небольшую лужу. «Да ты перестраховщик, Жора,— с чувством собственного превосходства подумал он.— Вот так надо ездить!»

Александр «газанул», и... машина «села».

Заметив это, Нариманидзе остановился.

— Понимаешь, какая история,— виновато улыбнулся Соколов,— как на грех забыл лопату. Помогите...

Георгий без лишних слов принялся за работу. С этого дня они подружились. Настоящей мужской дружбой.

ЖИВОЙ ПАМЯТНИК

В огороде деда Мартына растут два дерева — береза и яблоня. Им уже больше сорока лет. Посадил эти деревья сын деда Мартына — Роман.

Рассказывают, что березка и яблоня посажены в память об окончании педагогического училища. Девятнадцатилетний учитель с нетерпением ждал первого сентября. Но ему так и не пришлось встретиться с учениками. 22 июня 1941 года на нашу страну вероломно напали фашисты, и Роман добровольцем ушел на фронт.

...Был последний год войны. В День Победы яблоня и береза покрылись яркой зеленой листвой. Уже птицы могли напиться росы с их листьев. Деревцам стало тесно. Но у деда Мартына не поднималась рука, чтобы их рассадить. «Вернется Роман и сделает сам», — думал он, хотя о сыне давно уже ничего не было известно.

Шли годы. Деревья разрастались все больше и больше. Пересадить их было уже нельзя. Яблоня дала первые плоды — горькие, терпкие на вкус.

— Спилит бы березку, — советовали соседи деду Мартыну. — Роман уже больше не вернется, а яблоня пропадет.

Но дед лишь сурово молчал. И теперь каждый может зайти на его огород и сорвать с яблони горьких, терпких, как воспоминания деда Мартына о без вести пропавшем сыне, плодов. Доныне стоят они рядом — раскидистая яблоня с плодами горькими, как думы Мартына о сыне, и взметнувшаяся над ней стройная березка тянет на ветру руки-веточки в ту сторону, куда ушел в 41-м Роман, и зовет, зовет, зовет...

КУХНЯ

Учения начались с утра по тревоге. Молодой солдат Иван Перышкин, как это ни было для него удивительно, попал по боевому расчету на пункт хозяйственного довольствия. Он-то думал, что первые учения будут для него «первым боем», в котором он сумеет отличиться, а получилось иначе.

Прибыв на место, Перышкин доложил старшине о том, что готов к выполнению своих задач.

— Назначаю вас истопником, — сказал старшина.

Иван проглотил ком, угрюмо сказал: «Есть!»

Работы оказалось много. К тому же раньше Перышкин топора в руках не держал. Но тем не менее к делу молодой солдат отнесся добросовестно. Семь потов с себя согнал, но в срок управился.

И вот на лесной полянке запахло щами, гречневой кашей. А запах мясной подливы так и возбуждал аппетит. Подразделения начали прибывать на обед. Повар, как дирижер палочкой, орудовал черпаком, разливая щи. Подошли солдаты и того взвода, в котором служил Иван Перышкин.

— Обед сегодня на славу,— похлопывали они его по плечу.— Как ты тут, в тылу, себя чувствуешь? Наверное, пригрелся, а?

Все бы хорошо, да обидели Ивана слова «в тылу пригрелся».

— Не знаете вы, как обед варится, как он «тылови-кам» достается,—сказал Перышкин.— Вот посмотрите...

Протянул сослуживцам ладони, а на них — свежие мозоли.

— Неизвестно еще, кому из нас легче было, а кому тяжелей,— негромко добавил Иван.

Сослуживцы поглядывали на его ладони уважительно и даже ложками работать перестали.

— Да вы ешьте, ребята,— улыбнулся Иван Перышкин,— сами же говорили, что обед сегодня вкусный...

«У НАС СОБАКА...»

Письмо от Марианны, точнее ее приглашение на новогодний вечер, полученное старшекурсником Игорем Дмитриевым, было коротким. Марианна решила встречать Новый год в заводском Доме культуры и Игоря приглашала с собой. Письмо заканчивалось так: «Обязательно приходи. Постучи во второе окно от калитки — у нас злая собака...»

Игорь прочитал письмо, улыбнулся. «Заботливый человек,— подумал он о девушке.— Не забыла даже о собаке напомнить, чтоб не поставить меня в неудобное положение». Он тут же представил себе, как, войдя в калитку, встретил бы вместо Марианны оскаленную собачью пасть. А потом перед его глазами возникло милое девичье лицо. И он подумал о том, какой это будет для них счастливый вечер...

Но попасть на него Дмитриеву не удалось. Служба есть служба. И только в субботу он освободился и сразу же поспешил к Марианне.

Вот ее дом. Вот второе окно от калитки. Игорь внул-

ренне улыбнулся и, хоть надобности в том не было — день не вечер, — постучал в это окно. И в тот же момент во дворе залилась басовитым лаем собака. Лай был яростный, хрипловатый. За калиткой слышались шаги, резкий окрик заставил собаку замолчать. Калитку открыла Марианна.

— С Новым годом! — радостно сказал Игорь. — Ты понимаешь, какая история вышла...

— С Новым годом, — холодно перебила его Марианна. И уничтожающе добавила: — Такой вечер мне испортил! Пришлось срочно другого партнера искать...

Игорь поразился злым ноткам в голосе девушки. И дом ее, и забор с калиткой вдруг показались ему какими-то не такими, как раньше.

Игорь повернулся и пошел прочь, а в памяти насмешливо звучала фраза: «Стучи во второе окно. У нас злая собака...»

СОЛДАТСКИЙ КОТЕЛОК

С тех пор в Цивиле много воды утекло. Зажила рана на правом колене, только синий бугристый шрам напоминает об осколке фашистской гранаты. Волосы побелила седина, а усы все еще не хотят сдаваться — по-прежнему рыжие. Пожелтели фронтовые фотокарточки. Солдатскую фуражку давно износили сыновья. Из фронтовых вещей только солдатский котелок остался в обиходе. С ним и его хозяином — татаринотом Ахметом — связано у Никифора много воспоминаний.

...Фашисты идут в атаку. Длинные очереди «максим» — и враги падают ниц. Бешено извиваясь, ползет матерчатая лента в патронник, кипит вода в пулемете.

— Воды, Ахмет, воды, дорогой! — кричит Никифор.

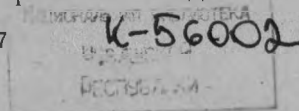
— Хазэр (сейчас, значит)! — отвечает Ахмет и ползет за водой.

Через несколько минут пулеметчик слышит его голос:

— Вот, Никифор-ага, держи котелок. Хороший вода... якши су... Немножко только выливался...

А гитлеровцы лезут, лезут...

И снова с бешеной скоростью отстукивает смертельные такты «максим». Атака отбита. Наступают часы затишья. Котелок уже дымит ароматом солдатской каши.

Возле него два закадычных друга: чуваш Никифор и татарин Ахмет. Стремление быстрее разгромить фашистских захватчиков и вернуть мир родной земле породило солдат. Письмо из Татарии так же волновало чуваша, как теплые сердечные письма из Чувашии согревали татарина. Вместе делили радости и горести, и солдатский котелок всегда оставался общим.

...Закончилась война. С победой возвращались домой фронтовики. Пришел час расставания и для друзей. Трудно было вот так взять и разъехаться. Но недолго прощались они. И того и другого ждала родная земля.

— Никифор-ага, держи котелок себе на память о нашей фронтовой дружбе,— сказал Ахмет на прощание.

Никифор Григорьевич Никифоров крепко сжал руку Ахмета...

Солдаты вернулись к мирной жизни. Как и до войны Никифор вновь стал председателем колхоза. Ахмет пришел в свою кузницу.

Шли годы. У Никифора возростал сын Вениамин. Казалось, давно ли сестры кормили его кашей из отцовского котелка, а теперь парень уж самостоятельно ходил на рыбалку, и в солдатском котелке плавали толстые пескари.

Вениамин успешно окончил среднюю школу. Рассказы отца о бесстрашных солдатах и командирах оставили большой след в его душе. Поэтому вопрос, куда идти дальше, какую выбрать профессию, не застал паренька врасплох. Он поступил в военное училище.

— Веня, нам пришлось испытать многое. В Отечественную войну мы отстояли мир. Теперь ты будешь нас оберегать от врагов. Будь хорошим солдатом,— сказал Никифор Григорьевич сыну и, по чувашскому обычаю, преподнес ковш кипящего пива перед дальней дорогой.

Училище для Вениамина Никифорова стало родным домом. Не забыты слова отца: он — отличник боевой и политической подготовки. Об этом старому солдату сообщил сам генерал.

А недавно Никифор Григорьевич получил от сына письмо. Вместе с письмом — фотокарточку. Видимо, с марша. Горит костер, возле него отдыхают курсанты, а в пламени огня дымится солдатский котелок.

ПАТРУЛЬ

Шаги по асфальту раздаются гулко-гулко. А улицы еще безмолвны. Курсант Михаил Белов нет-нет да и вздохнет. Старший патруля замечает это и спрашивает о причине вздохов.

— Сегодня мы условились вон там, у скверика, встретиться с Олей,— смущенно признается курсант.— А встреча не состоится. Служба есть служба.

Шаги размеренно раздаются в утренней тиши. Старший патруля затаенно улыбается. Это хорошо, когда человек на первое место ставит службу.

Шаги уже неразличимы в шуме уличной суеты. Патруль несколько раз прошел по своему маршруту. Старший патруля вдруг свернул в сторону маленького скверика, на который показал утром Михаил. Около входа в скверик виднелась девичья фигурка.

— Курсант Белов, даю вам десять минут...

— Спасибо, товарищ лейтенант!— просиял Михаил.

Он успел только объяснить Оле причину своего отсутствия в условленном месте. Впрочем, он уже был там. И объяснять ничего не надо было. Девушка все сама поняла.

— В следующее воскресенье обязательно встретимся. Иди, тебя ждут...— сказала она.

И снова — шаги по асфальту. Размеренные, спокойные. Служба прежде всего...

ВОСЬМАЯ МИНА

Был промозглый зимний день. Земля дышала изморосью. Порывами налетал холодный резкий ветер, забирался под шинель, в рукава.

— Погодка, чтоб ее!..— зябко ежились солдаты, шагая по учебному полю. Взвод лейтенанта Вадима Вовденко сегодня отрабатывал очередную тему, учился устанавливать мины.

Каждый воин хорошо знал это учебное поле, исполненное ими самими и их предшественниками вдоль и поперек. Вот и сейчас им предстоит работать здесь, ползая по этой промерзлой земле. Сюда лейтенант Вовденко приводит их не в первый раз. И ни одно занятие не начинается так, как предыдущее. То даст одно направление

действия, то другое, то, изменяя обстановку, расставит на поле мишени. Ни на минуту не дает расслабиться! Ученье есть ученье!

Вот командир шагает по полю, направляясь к отделению сержанта Сергея Кульназарова. Остановился около рядового Владимира Ильина, присел на корточки и невольно залюбовался работой солдата. Сергей ловко и аккуратно долбил мерзлую землю. У него все под руками: и мина, и коробка с взрывателем, и мешок для земли.

Постоял взводный, улыбнулся, мешать не стал, пошел дальше.

— Рядовой Моргачев!—закричал еще издали.—А землю кто за вас убирать будет?

Около невысокого плотного солдата лежала кучками земля, вынутая из лунки. Мелкие комья ее рассыпались кругом, резко выделяясь на снежном фоне. Моргачев сразу понял, чем обеспокоен командир, перестал работать и повернул к нему потное лицо.

— Так, товарищ лейтенант, после мы, наверное, мины-то вынимать будем... Чем тогда лунку засыпать?

— Ну, товарищ Моргачев, не ожидал я этого от вас! Во-первых, не вынимать, а извлекать. Во-вторых, делать-то все надо, как в реальной боевой обстановке!

— Уберу, товарищ лейтенант! Разрешите продолжать?—виновато сказал солдат и стал ссыпать землю в мешок.

Пока шла установка мин, взводный побывал в отделениях двух тезок-Александров, двух сержантов — Афонькина и Дергунова. Они работали вместе с солдатами, переползая от одного к другому.

Солдаты старались. Каждому хотелось отличиться перед офицером — опытным специалистом. Глубину лунок он не измеряет, видит на глаз. У него самого в руках дело спорится. Умеет работать офицер! Любит повторять подчиненным:

— Сапер все делает быстро. И не ошибается. На это у него права нет!

И вот следуют доклады: отделения закончили минирование. Потные, изрядно утомившиеся, собираются солдаты на короткий перекур. Посматривая на лейтенанта, думают: «Хорошо бы извлечь мины, собрать их — и на обед!..»

Лейтенант подождал, пока все покурат, потом прика-

зал построить взвод. Прошелся раз-другой перед строем, скомандовал:

— Взвод, кру-гом!

Повернул к той полосе поля, где только что устанавливали мины. Постоял, подумал, что-то прикидывая, и сказал:

— Перед вами — минное поле «противника». Завтра наступление. Задача: проделать три прохода для наших танков. Оперативное время... О проделанной работе доложить!

Указал командирам отделений, где проделать проходы, и дал команду приступить к выполнению задачи. А сам присел невдалеке. Присел первый раз за весь учебный день. Он умышленно поменял местами отделения, чтобы солдаты не просто извлекали мины, а поработали на «чужом» поле. Думал: пусть помозгут.

И опять у саперов началась тяжелая работа. Осмотр поля, определение схемы, первая мина... И пошло! Одну за другой обнаруживают и «обезвреживают» саперы коробки со смертоносным грузом.

Вскоре сержант Афонькин бодро докладывал офицеру:

— Товарищ лейтенант, проход номер два готов!

— Хорошо! — сказал Вовденко и посмотрел на часы. — Сложите мины. Можно перекурить.

Затем докладывали сержанты Кульназаров и Дергунов. Перед взводным выросли три груды выдавших виды учебных мин. Он долго смотрел на них, переводя глаза с одной на другую. Потом спросил сержанта Афонькина:

— Сколько мин сняли?

— Семь.

— Проверьте проход всем отделением еще раз!

Подчиненные Афонькина поползли по полю. А их соседи сидели, курили, шутили, но без улыбок, глядя на тех, кому пришлось начинать все сначала.

Отделение Афонькина скоро вернулось. Впереди шагал сам сержант. За ним — рядовой Владимир Моргачев с миной в руках. Нетрудно было догадаться, что нес он ее потому, что это по его вине мина осталась не обнаруженной. Афонькин взял у Моргачева мину, положил ее на землю чуть поодаль от остальных, обнаруженных сразу. Поглядел на солдата. И не только для него, но и для всех сказал:

— Всех подвел... «Двойка» отделению.

В тягостной тишине было слышно, как кто-то из солдат, вздохнув, негромко посетовал:

— Из-за какой-то «железки» на обед опоздаем!

Лейтенант поднял голову:

— На обед не опоздаете! А вот танки, будь это боевая обстановка, из-за этой одной мины могли не выйти в атаку. Такой брак для саперов непростителен... Был такой случай. В сорок третьем. На Западном фронте. Саперы во главе с сержантом Широких проделывали проход в минном поле. Обнаружили три мины, которые не извлекаются. Пора уходить, вот-вот начнется артподготовка... Вы думаете, ушли? Нет! Сержант решил взорвать мины с началом артподготовки, чтобы фашисты не заметили, где проход. И, несмотря на ранение, не ушел до тех пор, пока сам не убедился, что мины взорвались.

Лейтенант сделал паузу, прикидывая, как лучше закончить этот не предусмотренный конспектом разбор занятия.

— Да, оценку отделению сержанта Афонькина я не объявлял. Но вы ее сами уже знаете.

И все посмотрели на одиноко лежащую восьмую мину.

ЗИМОЙ, МОРОЗНОЙ НОЧЬЮ

В натянутой на кольях палатке, усталенной свежесрубленными еловыми ветками, окружив чугунную печурку, отдыхают уставшие за день линейщики. В палатке царит полумрак. Лишь короткие языки пламени освещают серые солдатские шинели. Периодически в полосу света попадает скуластое лицо дежурившего у печки мордвина рядового Николая Пеняева, когда он подбрасывает чурки в пасть маленькой «обжоры»-печурки.

Рядом лежит его товарищ чувак солдат Александр Семенов. Он никак не может заснуть, хотя Пеняев сменил его у печки с полчаса назад. И друзья ведут неторопливый разговор.

— Правда, Николай, твой отец в войну все четыре года был на передовой?

— Да, верно. Дошел до Берлина. На рейхстаге расписался.

— Правда, что с маршалом Чуйковым лично знаком?

— Да, это было в Сталинграде. Орден Красной Звезды Чуйков собственноручно на гимнастерку отца прикрепил.

— Вот здорово!

— Батя был первым разведчиком в полку,—с гордостью заключил Пеняев.

Друзья замолчали. Снова было слышно лишь потрескивание дров в железной печке. Тихо посапывали солдаты. А за тугой тканью палатки мела поземка.

Семенов поднял голову.

— А мы,—спросил он,—как думаешь, выдержим такие испытания? Сумеем, как на фронте?

— Должны выдержать. Которые сутки на учениях—и никто не пожаловался на трудности и тяготы. Значит, сумеем. Да поспи ты, беспокойная душа! Командиры знают, что нам под силу, а что — нет...

В палатку вдруг влез запыхавшийся от бега дежурный-телефонист рядовой Валерий Дубинин. Он пригласился к спавшим солдатам, тесно прижавшимся один к другому, растормошил командира отделения Николая Овсянникова.

— Товарищ сержант,—доложил он,—связи нет.

— Почему?—спросонья хрипло спросил Овсянников.

— Не знаю. Лейтенант предполагает: на дороге порвался кабель. Танки в том направлении прошли. Может быть, они...

Рядовой Дубинин совсем негромко говорил с командиром, а солдаты, прислушиваясь, уже поднимались на ноги. Все были готовы выйти на линию.

Овсянников улыбнулся, сказал:

— Пеняев, за мной. Не забудьте прихватить сумку с инструментом... Рядовой Анисимов, остаётся за меня.

— Товарищ сержант,—обратился к командиру Семенов,—разрешите с вами?

— Берите телефонный аппарат и—за мной,—сказал сержант.

За порогом их встретил крепкий мороз, минус 25, да мелкая колючая поземка.

— Вон там машина для вас,—махнул рукой в сторону поляны Дубинин.

Через некоторое время пути машина остановилась на первом участке. Здесь все оказалось в порядке. То же было и на втором.

Вскоре подъехали к дороге. Опасения лейтенанта оправдались. Именно здесь кабель и был разорван гусеницами танков.

Солдаты сразу же приступили к сращиванию кабеля. Вот тут мороз и постарался их донять. Деревенели и не слушались пальцы рук. Холодный ветер заползал под шинель, резал лицо. Мерзли ноги.

Сержант включил аппарат в линию, радостно объявил:

— Есть связь! Порядок...

— Ну вот, можно и домой,— с облегчением проговорил Семенов, имея в виду приятное тепло палатки.

— Нет,—сказал сержант.—Надо укрыть кабель. А то пройдет танк — и снова сюда придется ехать.

Немудреные инструменты — лопата и киркомотыга — были извлечены из машины. И закипела работа.

Попотели изрядно, а канавку в промерзшем грунте все-таки отрыли. И сделали все на совесть: теперь кабелю не страшны ни танки, ни другая техника.

— Ну, как дела, фронтовик? — похлопал по плечу Семенова Николай Пеняев, когда они поудобнее устроились в машине.

— Хороши дела. Доставай сигареты. После такой работы и покурить не грех,— ответил ему Александр.

Водитель прибавил газ, машина помчалась в обратный путь, через поля и перелески, туда, где в палатке, окружив добрую «обжору»-печурку, на еловых ветках уютно расположились и отдыхали уставшие за прошедший день учений солдаты-связисты.

МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ

Всю ночь ухали пушки, ревели моторами, лязгали гусеницами боевые машины пехоты. Всю ночь подразделение провело на стрельбище. У мотострелков, наводчиков-операторов шла стрельба — проверка на боевую зрелость. Они выдержали ее с честью. На отлично выполнили упражнения рядовые Владимир Ветчинкин, Николай Шамрай, Алексей Гончаренко, Александр Стуканов. Отличился в ту ночь и рядовой Александр Сальников.

Со стрельбища прибыли под утро возбужденные, радостные. Ничего, что устали, зато сдержали слово, вы-

полнили социалистические обязательства. Взвод в целом получил отличную оценку.

Праздничное, приподнятое настроение царило в подразделении и на другой день.

— Давайте отметим нашу победу! — предложили комсомольские активисты. — Концерт, что ли, организуем. А?

— Это идея! Как говорится, «после боя сердце просит музыки вдвойне...»

Вечером в ленинской комнате собрались воины. И зазвучали в просторной комнате, волнуя солдатские сердца, мелодии классической музыки. Их исполняли на виолончели и баяне рядовые Сальников и Стуканов. По душе пришлись собравшимся и «Сентиментальный вальс» Чайковского и «Грезы» Шумана и «Прелюдия» Баха... Аплодировали долго, не жалея ладоней.

После концерта к Александру Сальникову подошел его друг, агитатор взвода рядовой Владимир Ветчинкин:

— Спасибо! Порадовали вы нас со своим тезкой.

И, улыбнувшись, добавил:

— Хорошо играешь! Как стреляешь — мастерски!

«Эх, Николай бы это слышал! — подумалось Александру. — Может, понял бы, что не прав...»

Николай — это один из приятелей Сальникова по «гражданке». Как и Александр, профессиональный музыкант. Был у них с Николаем один спор... Впрочем, все по порядку.

...В тот день преподаватель музыкального училища по классу виолончели, выпускник Казанской консерватории, Александр Николаевич Сальников, как всегда, после уроков возвратился в общежитие. Немного отдохнул и сел готовиться к завтрашним занятиям.

В дверь постучали.

— Да, да, войдите.

Вошла комендант общежития Лидия Алексеевна:

— Вам повестка из военкомата.

Он взял повестку, внимательно прочитал. Сказал:

— Ну вот и моя очередь подошла. Провожайте меня, Лидия Алексеевна, как мать моя названная, в армию.

— Ну, что же, Саша, — протянула она ему руку, — раз уж вы меня матерью повеличали, скажу по-матерински. Служите так, чтоб мы тут за вас радовались. А проводить — проводим, честь по чести... В добрый путь, сынок!

Сборы были недолгими. Лишнего с собой не брал, да и не нажил пока особого имущества. Только вот виолончель... Как с ней, звонкоголосой подругой, расстаться? Может, взять с собой?..

— Конечно, возьми!—говорили одни.—А то и играть за два года разучишься, навык потеряешь.

Другие не советовали:

— Возиться-то с инструментом! Это ведь не свистулька, в карман не спрячешь.

А Николай так вообще высмеял:

— Наивный человек! Ты же не на гастроли едешь! Спорим, что там никому не нужна твоя музыка? Это же армия, ар-ми-я! Когда говорят пушки, музы молчат...

С грустью тогда Александр простился с любимым инструментом.

Потянулись армейские будни. Стал рядовой Сальников овладевать профессией наводчика-оператора боевой машины пехоты. «Научил» пушку «разговаривать».

А музыка? И с музыкой не расстался солдат. В части, где он служит, есть коллектив художественной самодеятельности. Неплохой, между прочим,— на многих смотрах не раз завоевывал дипломы, призовые места.

Стал рядовой Сальников в свободное от службы время заниматься в самодеятельном ансамбле камерной музыки, подружился с воинами-музыкантами, рядовыми виолончелистом Николаем Чученко, валторнистом Николаем Якименко, кларнетистом Романом Амировым, сержантом флейтистом Валерием Соколовым. У всех у них высшее и среднее музыкальное образование.

Недавно солдатский ансамбль камерной музыки участвовал в областном смотре художественной самодеятельности, стал его лауреатом.

Послал как-то Александр на родину письмо Николаю. Рассказал о том, как служба идет, рассказал о смотре-конкурсе... В конце письма приписал: «А спор ты проиграл. Не молчат у нас музы».

АЛЫЕ МАКИ СТАРШИНЫ

В канун праздника — Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота—в наше подразделение пришло письмо от бывшего старшины роты, ныне старшины запаса Николая Федоровича Шунина.

Когда командир зачитал письмо, рядовой Бурмистров спросил у младшего сержанта Белякова:

— Это от того старшины, от которого маки остались?

— От него.

Пять лет назад, когда после окончания училища я, молодой лейтенант, прибыл с направлением на первое место службы, перед казармами мне бросился в глаза газон с алыми маками. Их нельзя было не заметить. Маки притягивали к себе, настраивали на какой-то тревожно-возвышенный лад.

Помнится, недалеко от газона стояли молодые солдаты, а среди них — старшина сверхсрочной службы. В висках — проседь, на кителе несколько орденских планок.

«Фронтовик», — подумал я тогда.

Позже я узнал, что старшина сверхсрочной службы был старшиной роты соседнего подразделения. А звали его Николаем Федоровичем, фамилия — Шунин.

Заинтересовался я тогда и маками.

— Это маки старшины Шунина, — ответили мне молодые солдаты. — Они каждый год здесь цветут, говорят, вот уже десять лет подряд...

Старшина ревниво ухаживал за газоном. Задолго до подъема приходил он во двор части, выпалывал сорняки, выдергивал высохшие стебли, поливал. А когда лепестки облетали и головки становились коричневыми и сухими, старшина рассеивал семена по газону, чтобы следующей весной они опять радовали глаз.

Однажды, проходя мимо курилки, я встретил Николая Федоровича. Он задумчиво сидел на скамеечке и не слышал моих шагов.

— Наверное, молодость вспоминаете, товарищ старшина? — спросил я, присаживаясь рядом.

Думаю, вот сейчас расскажет он о какой-нибудь трогательной истории, пробудившей у него любовь к макам.

Но мои попытки вызвать старшину на откровенность не имели успеха. Он молчал. А когда заговорил, то совсем на другую тему.

— Извините, вчера я наблюдал, товарищ лейтенант, как Вы проводили занятия по строевой подготовке...

— И что же? — обескураженно спросил я, чувствуя, что услышу совсем не то, что ожидал.

— Слишком много Вы теоретизируете. Рассказывае-

те долго, а на показ и тренировку времени мало остается.

Сначала я чуть было не взорвался: разве может вот так выговаривать младший по званию старшему? Это же явное нарушение субординаций! Еле сдержался. А потом был очень доволен, что проявил выдержку. Общение со старшиной, опытным, прошедшим войну младшим командиром, многому меня научило. И позднее, отведя старшину в сторону, не раз спрашивал:

— Николай Федорович, я бы послушал Ваше мнение...

И он всегда откровенно и точно говорил об основных недостатках проведенного занятия.

А о том, почему он так любил маки, я узнал от бывшего к нам в гости ветерана части.

Вот что он рассказал:

— ...Это произошло летом 1944 года в Прибалтике. Рядовой Шунин был вторым номером расчета пулемета «Максим». Молодой, необстрелянный. Только из запасного полка. А наводчик же — боец brave, дело знающий. Вася Петров. Спокойный, рассудительный. Зря патронов не жег. Лет на пять старше Шунина. Но быстро сошлись солдаты. Земляками себя называли. Петров из Пензы, Шунин из Куйбышева.

Мало-помалу приучал Петров Шунина к фронтовой обстановке, к искусству пулеметного дела.

Но все равно нет-нет да опростоволосится в чем-нибудь новичок, «лезут» из него гражданские привычки. И маскировался еще неумело и по-пластунски не очень-то хорошо передвигался. Да и особой меткости в стрельбе не проявлял.

Все это еще впереди у него было. Солдатская наука кровью и потом дается. Сразу ни у кого ничего не получается.

Наступило затишье. Василий Петров с котелком в руках пополз к колодцу. Оттуда вернулся с водой и букетом алых маков.

— Там целая грядка их, как будто война им не война, шепчутся о чем-то красавицы. Отошлю своей Сонечке с письмом. Каковы цветочки, а!

Размягчились душой ребята. Стали вспоминать жен, детей, родные места свои, садо́чки с яблонями, рябиной, черемухой.

Но вскоре снова разгорелся бой. Трудный это был бой. Василию Петрову из Пензы так и не удалось тогда

отослать своей Соне лепестки мака... Его в том бою смертельно ранило.

А Шунин словно родного брата потерял. Злой стал, ловкий, выносливый. Словно все свое умение воевать друг ему, умирая, завещал. И вскоре первая награда на груди молодого бойца, медаль «За отвагу», засветилась.

Кончилась война. Отслужил свой срок Шунин. Но не ушел из армии, а остался на сверхсрочную. И первые маки у казармы посеял в сорок седьмом. В память о друге. С тех пор три военных городка сменил. И везде газоны с маками устраивает.

...Недавно по делам службы мне пришлось побывать в военном городке, где начинались мои лейтенантские годы. Николая Федоровича Шунина я уже не застал. Воины части торжественно проводили его в запас. Но газон с цветами так и остался в строю. Как и прежде, на ухоженном кусочке земли цвели ярко-красные маки. В память об ушедшем в запас старшине-фронтовике и его погибшем друге.

ТОПОЛЯ РАСТУТ ХОРОШО

Когда прапорщик Александр Алексеевич Лукошкин возвратился домой, жена подала ему письмо.

— Кто-то из Тарту пишет, почерк незнакомый. Кто-нибудь из твоих бывших солдат.

— А-а, это Виктор Сергин,— сказал Лукошкин, посмотрев на конверт.— Ну-ка, посмотрим, как он там устроился. Молодец! Все у него в порядке. Токарь. Разряд получил. Привет роте передает.

Теплом и доброй памятью о хорошем солдате дышат воспоминания прапорщика.

— Смотри-ка ты! И тополя наши не забыл!

— Какие еще тополя?—удивилась Анастасия Трофимовна.

— Да те, что сажали перед Днем Победы в городке, рядом с Мемориалом.

— А! Помню. Целую ведь аллею тогда высадили. Хорошо принялись.

— Ну и Сергин тогда сажал. Как же ему не вспомнить? Он все еще тогда мне вопросы задавал: знал ли я лично тех, чьи фамилии на обелиске выбиты...

— Ну а ты?

— Да как же мне их не знать-то? Не всех, а многих знаю.

Лукошкин — коренной волжанин. Родился и рос в Куйбышеве. Работать начал рано. Был печатником в типографии им. Мяги, токарем на заводе «Красный Октябрь». Когда началась Отечественная, до призывного возраста не хватало целого года. Хотел добровольцем. Не получилось. Один ответ:

— Молод. Успеешь.

— А ты к всесоюзному старосте обратиться,—посоветовал кто-то из взрослых.

Послушался комсомолец Александр Лукошкин, взял да и написал письмо Михаилу Ивановичу Калинин. Так, мол, и так, 17 лет уже, а на фронт не пускают. Скоро войне конец, а я... И не осталось то письмо без внимания.

Вскоре Сашу вызвал к себе сам командующий Приволжским военным округом. Хорошо поговорил, душевно. Но твердо.

— Семнадцать вам, молодой человек, нет. Это я точно узнал. Но как только исполнится, твердо обещаю, в первый же день будете призваны. В какой род войск хотели бы?

— В танкисты.

И быть Лукошкину танкистом, да военная судьба, когда на фронт прибыл, распорядилась по-своему.

— Ростом я тогда был невысок, худощав, на мальчишку смахивал,—вспоминает Александр Алексеевич.— Ну и приглянулся командиру полковой разведки. И стал разведчиком 241 полка 75 гвардейской стрелковой дивизии.

Сложная и опасная работа у разведчиков. Много раз переходил рядовой Лукошкин линию фронта, не раз участвовал в захвате «языка», взрывал мосты. Дошел до Берлина.

Воевал Лукошкин неплохо. Об этом свидетельствуют его боевые награды. На груди ветерана — медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другие. Всего пятнадцать медалей.

Кончилась война. Многие солдаты демобилизовались. Дошел черед и до Лукошкина. Но командир предложил ему остаться на сверхсрочную.

И стал воин-ветеран старшиной роты. Зайдите в ка-

зарму, где живут подчиненные прапорщика Лукошкина,—и вам она обязательно понравится. Все здесь сверкает чистотою. Во всем видна добрая хозяйская рука. Здесь не только светло, аккуратно, чисто, но и по-домашнему уютно.

Однажды в комнате для посетителей мне пришлось быть свидетелем интересного разговора. Была зима. В гости к молодому солдату приехала мать. Она все расспрашивала сына о службе, о здоровье. С материнской участливостью потрогала его сапоги.

— Холодно, небось, в сапогах. Портянки хоть есть где сушить?

— Не беспокойся, мать, старшина у нас такой, что без просушенных портянок и сухой обуви из казармы не выпустит. Фронтовик он у нас, старшина-то. Знает, что к чему...

Но не только о быте солдатском заботится прапорщик. И в боевой подготовке — он первый помощник. И на занятиях по тактике или на стрельбище фронтовик щедро делится своим боевым опытом...

...В тот день воинов «обкатывали» танками. Это было обычное учебное занятие, но в условиях, максимально приближенных к боевым. Вначале солдаты окапывались, затем по команде на окопы, где находятся воины, шли многотонные грозные танки. И, выражаясь солдатской терминологией, они «утюжили» окопы. Это один из элементов психологической подготовки воинов. Цель его — ликвидация танкобоязни воинов.

Солдат, находящийся в окопе, при подходе к нему танка должен забросить на эту многотонную махину противотанковую гранату. Затем он должен лечь на дно окопа, а когда танк пойдет над окопом, бросить вновь гранату вслед железной машине.

Молодым солдатам была подана команда занять окопы. Лязгая гусеницами, танки пошли на позицию.

— Товарищ прапорщик, идите сюда,— вдруг послышался голос рядового Александра Кирюшина из окопа.—По-моему, окоп неглубокий.

Времени у прапорщика тогда для успокоения воина не было. Танк быстро приближался. Александр Алексеевич прыгнул к солдату в окоп и приказал ему бросить гранату в танк. Затем прапорщик прижал солдата своим телом на дно окопа. А когда танк прошел над окопом, Александр Алексеевич спросил:

— Ну, как с глубиною окопа?

Зарделся солдат.

— Разрешите, товарищ прапорщик, повторить... самостоятельно.

Как-то прапорщик Лукошкин заметил, что один из сержантов роты Казарян на занятиях по физической подготовке часто покрикивал на молодых солдат. Фронт-овик сделал младшему командиру замечание.

— А что они, товарищ прапорщик, ничего не понимают, говоришь им одно и то же, все равно без толку,— оправдывался сержант.

— Солдат не понимает командира тогда, когда командир забывает один из важнейших принципов обучения и воспитания: делай, как я,—говорил тогда прапорщик сержанту.—Ведь недаром в народе говорят: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вначале сами покажите, как надо выполнить подъем переворотом, затем терпеливо тренируйте... Только сначала сами. Обязательно сами...

— Что ж, с сегодняшнего дня будете заниматься физической подготовкой дополнительно. Буду заниматься с вами сам.

И помог старшина. Вскоре сержант Казарян безукоризненно стал выполнять упражнение по физической подготовке.

Авторитет прапорщика Лукошкина непререкаем. На стрельбище — он первый стрелок. На спортивном городке — лучший гимнаст. На плацу — отличный строевик.

...Поев, Александр Алексеевич сел писать ответ на письмо бывшего подчиненного. Прапорщик поблагодарил сержанта запаса Виктора Сергина за то, что не забывает однополчан, затем сообщил о делах в подразделении. Конечно, не забыл и о деревьях, которые посадил сержант Сергин в память о павших воинах.

— Тополя, посаженные вами, растут хорошо,—сообщил бывшему однополчанину прапорщик.

ГОДЫ ЛЕЙТЕНАНТСКИЕ...

(Из записок офицера)

— Как дела, лейтенант?— подошел ко мне на одной из троллейбусных остановок бодрый, подтянутый мужчина лет пятидесяти.— Ты уж меня извини, брат, еду от

фронтового товарища, вспомнили годы лейтенантские... Мы, как кончили училище, получили лейтенантские кустики, так сразу и на фронт.

Присели мы с ним на садовой скамеечке в сквере и начал рассказывать он мне про свою юность лейтенантскую. Какой же она завидной мне показалась! И невольно мысли перенеслись в казарму моего взвода. Подумалось: а какие они, наши нынешние лейтенантские годы?

...Мы не просто «тезки» по званию — оба лейтенанты и коллеги по должности — оба командиры взводов, мы друзья с первых дней нашей курсантской жизни.

Нас с Владимиром Лодским породнило военное училище. Там мы служили в одном взводе. Я как-то сразу потянулся к нему. Особенно после одного случая в карауле. Крепость сибирского мороза, думаю, известна каждому. На посту пронизывающий ветер, мерзнут руки и ноги, щиплет щеки. Но вот приходит смена. Озябший, захожу в караульное помещение.

— Ну как, силен сибирский мороз?—спрашивает Владимир Лодский и протягивает мне валенки.— Вот возьми мои, они теплые, а то твои, небось, задубели.

Не успел я переобуться, а Володя протягивает мне кружку горячего чая.

Стоит ли говорить о том, что после такой встречи настроение поднялось, на душе стало теплее.

Подобные примеры чуткости и внимательности Владимира Лодского назвал бы каждый, кому довелось в те годы учиться с ним.

Полюбили его и солдаты, брали с него пример.

Однажды мне пришлось быть свидетелем разговора двух солдат.

— Никак не могу бросить курить,—жаловался один.— Сколько раз пытался, все безуспешно.

— А ты сделай так, как лейтенант Лодский. Бросил папиросу, сказал твердо: «Все, больше не курю!»—по-советовал другой.—Сказал как отрезал: раз и навсегда.

— Так это же наш командир...

— А ты бери с него пример и в этом.

— Попробую...

Подобных примеров о Лодском можно привести много.

И вот уже второй год служим с Владимиром после выпуска в одной роте, командуем взводами.

Год службы в войсках... Опытные командиры говорят: это пора исканий, горьких ошибок и радостных удач. Я бы добавил еще, что это второй государственный экзамен на командирскую зрелость.

Лейтенантская или командирская весна, как цветы — выражаются некоторые, рассказывая о молодых офицерах, для нас иногда оборачивалась серой ненастной осенью. А вот следующая осень (уже настоящая) окрылила нас: наши взводы стали отличными.

Я, признаться, всегда с завистью слушал, как нам раньше рассказывали командиры об отличных взводах. Они обыкновенно добавляли:

— А знаешь, сколько труда и бессонных ночей это стоило!

И уже после значительной паузы продолжали вдохновенно рассказывать о каком-нибудь «трудном» солдате, о своих открытиях в познании человеческих душ, о первых учениях, в которых выпадало немало «пишечек» на голову взводного.

А как было у нас?

Пришли в часть, приняли взводы, располагая лишь теоретическими знаниями да памятуя об услышанном из уст бывалых командиров.

Я горячо взялся за работу. Об этом и расскажет мой дневник...

17 мая.

— Ну и везет вам, товарищ лейтенант. Будете служить с земляками, — говорит мне командир в канцелярии перед представлением меня молодым солдатам, прибывшим на смену уволившимся в запас воинам.

И вот первое знакомство с молодым пополнением. Командир роты объявляет:

— Знакомьтесь, ваш командир взвода...

Каждый раз, когда командир роты представляет меня воинам, я заметно волнуюсь, хотя к встрече этой заранее готовлю себя. Какие они, новички? Найду ли я к их сердцам тропинку? Таких вопросов всегда множество.

На сей раз знакомство прошло как нельзя лучше.

Когда командир роты ушел, я предложил воинам садиться: у нас было время для беседы. Она началась оживленно. Молодые солдаты пытливо смотрели на меня. Задавали вопросы.

Радует-то, что все воины — со средним образовани-

ем. Четверо окончили техникумы. Почти все до призыва в армию работали на производстве. Большинство — комсомольцы.

Заметил, что у молодых солдат отличное настроение. Все выражают горячее желание добросовестно служить Родине.

Не обошлось без курьезов. В конце беседы рядовой Николай Сошников пустил «шпильку» в адрес рядового Хайретдинова:

— Товарищ лейтенант, рядовой Хайретдинов к замполиту-подполковнику обратился: «Товарищ два май-ор!»

Посмеялись от души, сам рядовой Хайретдинов — больше всех.

Итак, первое впечатление хорошее.

19 мая. Занятие по физической подготовке прошло хорошо. Главное внимание уделили подходу к гимнастическим снарядам и отходу от них.

Рядовой Ильдар Камельянов установил во взводе рекорд: подъем силой на перекладине сделал 6 раз, подъем переворотом — 10 раз, поднимание прямых ног к перекладине — 16 раз. Рядовые Вячеслав Мидончев, Евгений Волков отстали от Ильдара ненамного.

Молодежь физически развита. Почти у всех борцовское телосложение. Но есть и такие, с которыми надо много работать. Рядовой Боков висел на перекладине беспомощно.

Мой заместитель составил список солдат, с которыми нужны дополнительные занятия и тренировки.

22 мая. Выпустили сатирическую газету. Рисунки и подписи к ним — творчество самих солдат, а не переписывание из газет и журналов. Поэтому и успех выпуска был большой. Трех редакторов — рядовых Алексея Жукова, Владимира Ефимова, Александра Воротникова — прозвали «кукурыниками».

Алексей Жуков родом из Шумерли. Он не только хорошо рисует, но и пишет стихи. Его стихотворение «Жди солдата», посвященное любимой девушке, напечатали в стенной газете. Оно так понравилось солдатам, что каждый переписал полюбившийся стих в свою записную книжку.

23 мая. Сегодня — знаменательное событие! Родился сын Олег. В день рождения сына я нес дежурство в ка-рауле.

Телефонный звонок — в трубке голос командира: «Поздравляю!..» Затем поздравили друзья-товарищи: офицеры, сержанты, солдаты.

24 мая. Вечером, после дежурства, поехал в роддом. Передал жене письмо и букет цветов. Жду ответа. Принесли записку. В конце ее слова: «Вчера приезжали Абрамкины, тоже привезли мне цветы. Спасибо им». Подполковник Николай Федорович Абрамкин — это и есть наш командир батальона.

28 мая. Сегодня первое занятие по политической подготовке. Его мы провели в Музее боевой славы ПриВО. Раньше руку поднял рядовой Федор Рогов из Башкирии. Он с гордостью рассказывал о достижениях трудящихся республики за годы Советской власти, о том, какие изменения осуществились в результате выполнения пятилетних планов.

— Уезжая в армию, я дал своим товарищам по бригаде слово стать отличником учебы,— говорит молодой воин.

О новостройках Чувашии рассказал рядовой Жуков. Он даже прочитал заметки из газеты «Советская Чувашия» о стройках Чебоксарской ГЭС, тракторного завода.

Рядовой Айрат Хайретдинов, татарин, тоже не без гордости назвал, выступая, одну из важнейших строек страны — Камский автомобильный завод.

Да, интересная деталь, надо ее учесть: в нашем взводе служат воины — представители почти всех национальностей, живущих на Волге. Дружба народов, солдатская служба сплотили их в один коллектив. Вот она, морально-политическая основа наших будущих успехов. В том, что они, успехи, придут, никто не сомневается.

Занятие прошло интересно, содержательно. Воины воочию убеждаются и осознают, насколько грандиозна наша Родина, масштабны ее стройки.

Перед занятием произошел интересный случай. Солдаты познакомились с вывешенными здесь портретами Героев Советского Союза.

— Товарищи! — воскликнул вдруг рядовой Жуков, — а ведь этого человека я знаю! Это мой земляк, — и указывает на портрет бесстрашного чувашского летчика полковника запаса Федота Никитича Орлова. По просьбе молодых воинов я рассказал о ученике и боевом товарище Николая Гастелло.

Храбро сражался с врагами Родины отважный сын чувашского народа Федот Орлов. Только за первые полтора года войны он уничтожил более десяти вражеских самолетов, разбомбил несколько эшелонов с живой силой и техникой врага.

Солдаты решили написать письмо ветерану, рассказать о своих первых шагах в службе. Инициативу солдат я поддержал.

Учиться военному делу настоящим образом, быть всегда начеку — вот главные выводы, которые сделали мои подчиненные на занятии. И это меня, как воспитателя, радует: ведь и стремился я к тому, чтобы солдаты глубоко поняли основное — надо надежно защищать все то, что создано народом.

30 мая. Провел беседу о подвигах воинов нашей части в годы Великой Отечественной войны. Ознакомил их с боевым путем части со дня ее формирования. Как внимательно слушали молодые рассказ о комсомольцах — куйбышевце Василии Суркове, казаке Султане Баймагомбетове, повторивших подвиг Александра Матросова.

Я прочитал им стихи, которые написаны о герое нашей части старшем сержанте Султане Баймагомбетове:

И понял вдруг
Султан:
Пришло мгновенье...
Идя к бессмертью
напрямик,
Он был
Без преувеличений
Красив,
Отважен и велик...

Десять Героев Советского Союза — десять подвигов вошли в летопись славы нашей Родины. Они — однополчане воинов моего взвода. Моя задача — воспитывать молодых солдат достойными наследниками боевой славы наших отцов и старших братьев.

Следующую беседу о подвигах героев-однополчан проведу в Музее боевой славы части.

14 июня. Готовимся к смотру строевой песни. Песню для взвода выбрали удачную. В этом заслуга, прямо скажу, рядового Алимбаева, выпускника музыкальной школы. Сначала разучивали мелодию под баян в Ленинской комнате. После вышли на строевой плац. Новая песня привлекла внимание всех. Старшина соседней роты предрек быть нам на первом месте.

Да, песня имеет удивительную способность поднимать моральный дух воинов. Под ее могучий напев я вспомнил почему-то, как солдаты внимательно смотрели на портрет Героя Советского Союза Василия Суркова, слушая мой рассказ о нем. Думаю, и они все, как один, готовы, если это будет надо, повторить подвиги отцов.

15 июня. По тревоге выехали на учения. Очень переживал за жену с малышом. На одном из привалов меня разыскал мой старший командир Абрамкин.

— Понимаю ваше настроение, товарищ лейтенант, — сказал Николай Федорович, — но вы не беспокойтесь, моя жена сделает все, что нужно. И улыбнулся.

Наше войсковое товарищество... Оно — в самой повседневной жизни. В основе его — доброта, внимание, человечность.

16 июня. Во время учений мы проходили вблизи небольшого озера. На озере рыбаков тьма-тьмущая. В перерыве подходит ко мне молодой солдат, рядовой Григорий Луконин из Мордовии, и говорит:

— Как жаль, что в армии нельзя рыбачить. А то бы, знаете, товарищ лейтенант, сколь бы тут я рыбы натаскал. — А напоследок добавил: — Эх, Мокша, родная Мокша... Скоро я к тебе вернусь.

Разговор на этом не закончился. Я продолжил его сам.

— Почему же нельзя? Давайте готовиться к коллективному выходу на рыбалку.

Посоветовался я с командиром роты и создали мы в подразделении секцию рыболовов.

25 июня. Изучали войсковой прибор химической разведки. После рассказа о назначении и устройстве прибора практически показывал его работу. Для наглядности, чтобы продемонстрировать приемы обнаружения отравляющего вещества в воздухе, я скрыто использовал отличный, на мой взгляд, имитатор — табачный дым. После забора дымного воздуха индикаторная трубка прибора окрасилась, как при обнаружении ОВ. Эффект внушительный.

Наблюдая за подчиненными, заметил, что рядовой Фазлыев явно оробел. Признаки неуверенности были видны и у других воинов. Пришлось объяснять, в чем секрет такого яркого окрашивания индикаторной трубки.

Солдаты поняли, что, когда речь идет о противохимической защите, надо быть предельно собранным и осторожным. Отравляющие вещества — это не шутка.

Во всяком случае на тренировках теперь все очень старательно осваивают приемы защиты от средств массового поражения. Подгонять никого не надо.

26 июня. Сегодня получили бандероль от Героя Советского Союза Федота Никитича Орлова. Он прислал нам свою книгу «Я люблю свою Родину», а также теплое письмо с пожеланием достойно продолжить традиции старшего поколения.

Решили оформить в Ленинской комнате стенд, посвященный героическому подвигу Ф. Н. Орлова во время Великой Отечественной войны.

27 июня. Ура! На смотре строевой песни заняли первое место.

4 июля. Выходной. Подъем был в 4—00. Ездили со взводом на рыбалку. Желающих было много. Еще накануне шла подготовка снастей, хлопоты, консультации. И вот удивительное дело. До сих пор рядовой Луконин был как-то совсем незаметен во взводе. Все ходил молчком, ничем не выделялся. А тут вдруг расцвел. Стал подвижным, деятельным. И смотрю — солдаты к нему потянулись. Расспрашивают его, советуются. А он отвечает им так бойко, толково.

Выход на первую рыбалку оказался очень удачным. Гуляли по лесу, варили уху. Григорий Луконин стал чемпионом подразделения. Поймал больше всех.

И вот что отрадно. Эту проявленную активность молодой солдат перенес и на службу, стал общительным, исполнительным, авторитетным. Да и мне после рыбалки стало как-то легче работать с солдатами, быстрее наступило взаимопонимание, доверчивее стали отношения, и узнал я каждого поближе, открыл во многих такие качества, которые не всегда проявляются в казарме.

9 июля. Подвели итоги социалистического соревнования за день во втором отделении. По выполнению нормативов в специальной подготовке трудно выделить кого-нибудь. Все действовали отлично. Победителями стали рядовые Виль Алимбаев, Федор Рогов, Геннадий Глухов. У каждого уже определяется свой «почерк» работы.

В выполнении нормативов по защите от оружия массового поражения впереди снова был Алимбаев. Пер-

вое место присудили, однако, не ему, а рядовому Федору Рогову. Рядовой Алимбаев был на третьем месте из-за «грешков» в дисциплине.

Такой подход к определению итогов соревнования встряхнул молодых. После (как я узнал) разгорелся среди солдат спор насчет этого подведения итогов. Что ж, пусть лишний раз подумают о том, что дисциплина всему голова.

10 июля. Сегодня подвели итоги соцсоревнования во взводе. Предстояло обсудить вопросы, которые волновали коллектив: какие успехи достигнуты, кто показывает пример, кто отстаёт и в чём, что следует сделать, чтобы устранить имеющиеся недостатки?

Это подведение итогов отличалось от прошлых. В гости к некоторым солдатам приехали родители. Мы пригласили их на собрание.

На проведенных занятиях и в несении службы пример показали многие воины.

Особенно отличился чебоксарец рядовой Владимир Бабешков. С большим старанием он овладевает военным делом, проявляет высокое трудолюбие, исполнительность. По всем предметам у него только «пятерки».

Приятно было слышать такой отзыв командира о сыне бывшему фронтовику-минометчику, прошедшему большой путь до Берлина и штурмовавшему рейхстаг, Петру Лаврентьевичу. Бабешков-старший, рабочий сталелитейного цеха Чебоксарского агрегатного завода, награжден медалью «За трудовую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Не пришлось краснеть фронтовику и за земляков. Похвально отозвался командир и о службе рядовых чебоксарца Владимира Быдрьевского, Петра Григорьева из Чебоксарского района, чуваша Ивана Кошкарёва из Ульяновской области.

Родители рядового Александра Тарасова Виктор Кузьмич и Надежда Васильевна рассказали о делах совхозных. О добрых переменах в селе.

Бывший фронтовик, прослуживший в армии 8 лет, Виктор Кузьмич высоко оценил заботу партии и правительства о Вооруженных Силах. Его порадовали чистые и удобные спальные помещения, Ленинская комната с телевизором, бытовая комната со всем оборудованием.

В конце подведения итогов выступил отец рядового

Юрия Фролова из Ульяновска, сержант запаса Михаил Григорьевич Фролов — тоже фронтовик, участник героической обороны Ленинграда.

Выступавшие пожелали личному составу отличного подразделения не только закрепить достигнутые успехи, но и умножить их, взять новые рубежи в боевом совершенствовании.

После подведения итогов родители солдат прошли мимо вешалки со скатками. Отец Александра Тарасова проверил скатку сына, по-молодецки закинул ее на плечо.

— Э-эх,— сказал,— хоть сейчас в строй.

Это была очень трогательная минута. Я смотрел на отца и сына и думал о том, как крепка связь поколений защитников социалистического Отечества. У патриотов отцов — сыновья патриоты. Мне предстоит добиться, чтобы эти молодые парни стали умелыми воинами, идейно убежденными, стойкими, мужественными защитниками родной страны.

— А теперь,— сказал командир,— приглашаем вас, дорогие гости, пообедать с нами.

— Это можно,— улыбаясь, ответил Михаил Иванович, отец рядового Владимира Паринова.— Давненько я не пробовал солдатских харчей. Почитай, что с фронта.

Переступив порог столовой, родители солдат остановились.

— Да у вас тут как в ресторане хорошо! И чисто, и уютно.

— Стараемся,— довольный похвалой, ответил заведующий столовой.— Пожалуйста, входите.

Аппетитно запахло борщом. Родители солдат пообедали, посмотрели меню-раскладку. И я стал свидетелем такого диалога.

— Что скажешь, мать? Не зря Володя писал, что кормят отлично. А ты все беспокоилась...

— Все матери такие, Иваныч. Теперь вижу, что зря волновалась. Да и у сына щеки, что маков цвет. Рада, очень рада, что все так хорошо.

День, когда приезжали родители солдат, был в работе столовой обычным. Меню-раскладку, как всегда, составили и вывесили заранее. И блюда, указанные в ней, были подобраны с учетом пожеланий питающихся.

Пользуясь случаем, хочу вас познакомить с теми, кто готовит пищу для солдат. Один из них — старший

повар-инструктор прапорщик Мефодий Феофанович Николаев, наш земляк.

Скоро будет двадцать лет, как чуваш-прапорщик Николаев из дня в день в белоснежном колпаке и фартуке, с черпаком и ложкой в руках «колдует» возле котлов.

Когда солдаты спрашивают у искусного повара, как он стал армейским кулинаром, Мефодий Феофанович отвечает так:

— Это было на первом году моей службы в армии. На одном из учений командир определил меня в помощники к повару. Конечно, постарался, очень уж хотелось сослуживцев накормить повкуснее и сытнее. Видимо, не плохо получалось. И вот после учений вызывает к себе командир и говорит:

— Быть вам, товарищ Николаев, солдатским кулинаром.

Быть так быть. Командиру виднее. Я согласился...

Трудно сказать, сколько раз в эти годы приходилось ему выезжать на учения, готовить пищу в полевых условиях, сколько провел он бессонных ночей, стараясь успеть к рассвету с солдатским завтраком...

Нельзя сосчитать и теплых слов благодарности воинов в адрес повара. Много на его счету и благодарностей от командира части, командующего войсками округа, ценных подарков, грамот. За безупречную службу прапорщик Мефодий Феофанович Николаев награжден пятью медалями.

Уж, казалось бы, и опыт большой, и умения на троих хватит. А он все ищет в работе новое, совершенствует свое мастерство. То придумает новый метод обработки овощей, рыбы или мяса. То составит новый рецепт какого-то особенно вкусного блюда — таких рецептов у него больше десятка.

Мефодий Феофанович работает аккуратно и точно, всегда у него на кухне порядок, чистота и блеск, как говорится. Любит человек свое дело, оттого и спорится оно в его руках.

Любить свое дело... Когда наблюдаешь за работой поваров под руководством Мефодия Феофановича Николаева, то особенно ясно сознаешь, что люди эти сознательно, с душой выполняют возложенные на них обязанности, своим трудом стараются приносить другим радость. Об этом говорят и сделанные в книге записи.

«Обед приготовлен отлично. Хорош салат из свежей капусты».

«Повара знают свое дело. Блюда очень вкусные».

И мнение солдат хорошее:

— Питание нам нравится. Спасибо поварам!

На этом можно было бы закончить рассказ о поваре-земляке. Но мне хочется подчеркнуть еще один штрих.

Однажды на учениях услышал я разговор...

— Вот талант у нашего Виктора: опять обед такой вкусный!—похвалили воины повара рядового Беруткина.

— Прямо как шеф-повар ресторана готовит!

— Представьте себе, до армии умел только поджарить яичницу, да и та обычно подгорала,—смеется Виктор.

— А у кого же перенял поварское мастерство?—интересуются солдаты.

— У старшего повара-инструктора Мефодия Николаева. Вон он готовит, так готовит!..

Что можно сказать после этого диалога. Пожалуй, ничего. Успехи ученика — лучшая награда учителю.

15 июля. Работники госпиталя обратились к воинам: «Для успешного лечения больного нужна срочная пересадка кожи».

Одинаковая с больным группа крови оказалась только у четверых солдат. Среди них был рядовой башкир Фарит Бакеев. Однако вскоре выяснилось, что для пересадки пригодна лишь кожа Фарита.

— Я согласен дать сколько нужно,—не колеблясь сказал воин.

Перед тем, как лечь на операционный стол, он спросил у врачей: «Кто с моей кожей ходить будет? Интересно все-таки». Узнал: рядовой Владимир Савушкин. Солдат попал в беду. Врачи стремились поскорее поставить его на ноги. И обратились за помощью к воинам.

Удивительный человек Фарит. Лежал на больничной койке, иногда постанывая от боли, и говорил:

— Мне повезло. Мою кожу для Савушкина взяли.

Да, удивительный человек Фарит. Но не удивителен поступок его. Ведь если не он, так другой бы пришел на помощь товарищу. Потому что вокруг советские люди, и каждый тебе — товарищ, друг, брат.

8 августа. Отрабатывали тему «Отделение в обороне». Заняв позицию, солдаты начали окапываться. Все шло как в настоящем бою.

Когда заканчивалась отрывка окопов для стрельбы с колена, сержанта Анатолия Терентева я вызвал к себе. Терентьев, оставив за себя рядового Фомина, спешно направился ко мне.

Прошло немного времени, и солдаты отрыли окопы для стрельбы с колена. Но сержанта не было. Что делать дальше? Некоторые было уже расслабились: сержанта нет, значит, не будет и новых команд.

Но в это время рядовой Фомин передал по цепи:

— Продолжать отрывку окопов для стрельбы стоя!

Приказ рядового, их товарища, оставленного за командира, был встречен некоторыми солдатами с недовольством.

— Зачем это нужно,— пробурчал рядовой Александр Белкин,—не понимаю. Люди и так устали.

И он с явной неохотой начал ковырять землю лопатой. Поругивали Фомина и другие, как они говорили, за самостоятельность.

Вскоре в отделение вернулся сержант Терентьев. Увидев, что воины начали отрывать окопы для стрельбы стоя, он похвалил Фомина за проявленную инициативу. Тогда и солдаты по-иному взглянули на действия своего товарища.

26 августа. Рядовому Валееву ротный почтальон вручил письмо от секретаря комсомольской организации колхоза.

До призыва в армию рядовой Дамир Валеев каждое утро шагал на полевой стан. Он водил трактор на обширных колхозных полях.

«Правление колхоза, партком и комсомольская организация подвели итоги работы сельчан за год. Победители соревнования награждены ценными подарками и грамотами.

За успехи в социалистическом соревновании вы, Дамир, награждены электрическим самоваром»,—сообщает в письме секретарь.

Радостная весть быстро распространилась в подразделении.

— Теперь, Дамир, тебе остается заслужить краткосрочный отпуск в родные края на чаепитие,—сострил по этому поводу ротный весельчак рядовой Амиров.

— А вот и постараюсь,—ответил ему Дамир Валеев.

22 сентября. Сегодня мой заместитель сержант Анатолий Терентьев едет в краткосрочный отпуск на роди-

ну, в Саратовскую область. Он больше года прослужил в армии. Через полгода стал сержантом. Очень толковый парень. Его любят солдаты. Я многому научился у него в работе с людьми... Военное дело знал неплохо, поэтому, проводя занятия с подчиненными, чувствовал себя спокойно. Уверенно разъяснял тот или иной учебный вопрос, показывал, как нужно действовать при оружии. Занятия проходили активно, вызвали интерес у воинов.

А вот с воспитательной работой не все шло нормально. Чувствовал, что допускаю просчеты, никак не могу найти тропинки к сердцам подчиненных.

В трудную минуту, когда за плечами нет достаточно-го жизненного опыта, всегда мысленно обращаешься к прошлому, стараешься вспомнить, какие советы давали старшие товарищи.

И вот на память пришли слова моего бывшего командира, который говорил нам, курсантам: «Становление офицера — дело сложное. Не думайте, что, став офицером, вы будете только учить подчиненных. Надо и самим учиться у них».

Насколько справедливо это, я убедился на собственном опыте. Примером могут послужить мои взаимоотношения со своим заместителем. Откровенно признаюсь, что первое впечатление вызвало чувство неудовлетворенности. Старший сержант Терентьев показался мне вялым, снисходительным к поступкам солдат.

Как-то раз я наблюдал такую сцену. Рядовой Фомин всегда опаздывал в строй во время подъема. Вот и на этот раз все стоят в строю, а он никак с портянками не может справиться. Построил Терентьев взвод, посмотрел строго на провинившегося солдата. Ну, думаю, сейчас он его в наряд вне очереди назначит. А старший сержант вдруг говорит:

— Рядовой Фомин, подойдите сегодня ко мне в личное время.

И все. Ни предупреждения, никакого другого воздействия.

А тут подоспел другой случай. У рядового Николая Пенчунченко не стало ладиться с учебой. На занятиях он отвечал невпопад, был постоянно рассеян. В результате появились «двойки». Решил я проверить, как солдат занимается в часы самоподготовки. Прихожу в класс. И что же? Все сидят, склонившись над книгами,

изучают наставления и уставы, разбираются в схемах, только рядовой Пенчунченко или задумчиво смотрит в окно, или же чертит какие-то фигурки на чистом листке бумаги. Такое разбазаривание дорогого учебного времени меня возмутило, и я (сказывалось отсутствие опыта) приказал заместителю принять меры к Пенчунченко.

Шло время. Солдат, на мой взгляд, нисколько не изменился. И я уже разуверился в способностях старшего сержанта Терентьева работать с подчиненными. Перед моими глазами почему-то всегда стоял заместитель командира соседнего взвода. Внушительного роста молодой парень с широкими покатыми плечами. Его громкий властный голос весь день раздавался то в казарме, то на плацу. Уж он, конечно, не дал бы спуску ни Фомину, ни Пенчунченко, заставил бы их подтянуться. Использовал бы свои права, как говорят, на полную катушку.

Когда я спросил у Терентьева, почему он слабо требует с подчиненных и мягок к ним, то ответ был такой:

— В своей работе я сочетаю требовательность с индивидуальным подходом к каждому воину. Взыскания налагаю только за умышленное нарушение воинской дисциплины и порядка.

Заметив на моем лице недоумение, он тут же пояснил:

— Дело в том, что Фомин старается быть образцовым солдатом, но у него не все хорошо получается, так как он слабо развит физически, медлителен в действиях. Но вы, товарищ лейтенант, не беспокойтесь. Я его подтяну тренировками. А у Пенчунченко беда дома. Второй месяц больна мать...

В тот вечер мы долго беседовали со старшим сержантом Терентьевым. Нелегко было признавать, что я не только плохо разбирался в людях, но и не знал, с какой меркой к ним подходить. Но факт был налицо. И я стал более внимательно приглядываться, изучать подчиненных.

Оказалось, что мой заместитель пользуется непререкаемым авторитетом у воинов. Его уважали за высокую требовательность как к себе, так и подчиненным. Он ни в чем не делал себе поблажки. Никогда не повышал голоса в разговоре с солдатами, постоянно заботился о них. Не получается что-то у кого-либо, терпеливо разъ-

яснит, покажет, позанимается с ним дополнительно, в свободное время.

Получил кто-нибудь плохие вести из дому — поддержит, подскажет, как выйти из затруднительного положения. И была у Терентьева еще одна положительная черта — он никогда не спешил наказывать. Во всех случаях глубоко вникал в причины каждого поступка солдата. С одним, бывало, ограничится беседой, другого пожурит наедине или перед строем, а третьего накажет по всей строгости. Словом, он хорошо знал каждого подчиненного.

Спустя некоторое время я был свидетелем, как Терентьев тренировал Фомина. В казарме кроме них никого не было. Старший сержант стоял возле кровати и медленно, по элементам, словно отрабатывая какой-либо строевой прием, показывал, как надо надевать обмундирование, сапоги. Солдат тут же повторял.

На занятиях по строевой, физической подготовке и в часы спортивно-массовой работы мой заместитель уделял Фомину особое внимание.

Что же касается Пенчунченко, то старший сержант Терентьев просил меня ускорить решение вопроса с предоставлением ему краткосрочного отпуска. Я сделал все, что было в моих силах, и солдат побывал дома. Это вызвало у него прилив сил, и он в короткое время догнал в учебе своих товарищей, а в конце года стал отличником боевой и политической подготовки.

Много полезного почерпнул я из опыта работы старшего сержанта Терентьева с солдатами.

19 октября. Помню, в день прибытия молодого пополнения все новички казались мне на одно лицо. Я знал, конечно, что все они по характеру разные, но ведь в характерах разберешься не сразу. Если один может раскрыться быстро, то другого поймешь не сразу. Но моя задача — найти тропку к каждому солдатскому сердцу. Иначе какой же я командир? Этот поиск тропок продолжается уже несколько месяцев...

Есть у меня во взводе рядовой Александр Фадеев, однофамилец и тезка моего любимого писателя, автора «Молодой гвардии». Так вот этот Александр Фадеев как-то заявил мне:

— Больно уж много времени, товарищ лейтенант, уходит у нас на изучение всяких блоков, схем. Наше дело — обеспечить связь. Мы ее обеспечиваем и так.

К сожалению, такие настроения не только у Фадеева...

Решил провести один эксперимент. Вчера во время перерыва я со своим заместителем остался в аппаратной и с его помощью сознательно привел телеграфные аппараты в нерабочее состояние.

Вот и конец перерыва. Солдаты гурьбой входят в аппаратную, рассаживаются по местам. Я даю вводную:

— Срочно передать кодограмму адресату...

Проходит несколько секунд.

— Товарищ лейтенант!—докладывает взволнованно Александр Фадеев.—Аппарат не работает! Что делать?

— У вас, рядовой Фадеев, простейшая неисправность аппарата. Быстро найдите и устраните ее, а потом передавайте,— приказал я.

Время неумолимо отсчитывает секунду за секундой. Большинство солдат не растерялось и быстро устранило неисправность, уложившись в отведенное время. А некоторые так и не смогли справиться с заданием. Не смог исправить аппарат и передать кодограмму и Александр Фадеев.

Думаю, что Фадеев и его «единомышленники» поняли, что нужно уметь не только вертеть ручки, но и разбираться в схемах. К этому вопросу мы еще вернемся...

20 октября. Домой вернулся позднее обычного. Во взводе прошло комсомольское собрание. Речь шла об успеваемости воинов в боевой учебе. В пример ставили третье отделение сержанта Лаврентьева. Оно заняло первое место по итогам соцсоревнования в части. Из рук командира части несколько дней назад сержант Лаврентьев получил переходящий выпел «Лучшему отделению» и грамоту. А взвод в целом завоевал второе место. Но больше комсомольцы говорили не об успехах, а о недочетах. Вспомнили и о вчерашнем случае с аппаратами. Решили нажать на теорию.

По предложению нашего комсомольского вожака, рядового Алимбаева, обсудили и другой вопрос — о воинском товариществе.

Недавно произошел такой случай. Во время ужина рядовой Асаушкин отказался разлить чай в кружки товарищей. А в отделении повелось так: один раскладывает кашу, другой разливает всем чай. Виктор Асаушкин налил только себе. Ему сделали замечание, в ответ на которое он грубо бросил:

— Я не нянька. У каждого руки есть, пусть себе и наливают.

Не выдержал рядовой Николай Манылов, вскочил и взял, как говорится, Асаушкина за грудки. Драки, правда, не было. Но факт сам по себе неприятный. Об этом и говорили на собрании, крепко ругали Асаушкина, припомнили ему и другие его нетоварищеские поступки. Сначала солдат оправдывался, а потом признал свою неправоту. Досталось и Манылову за невыдержанность.

От этого частного случая перешли к серьезному разговору о необходимости укреплять войсковое товарищество, вспомнили суворовское изречение: «Сам погибай, а товарища выручай».

21 октября. Недавно шефы попросили нас помочь провести военную игру «Зарница». Участникам игры — пионерам была поставлена боевая задача. Отряды совершили марш-бросок, преодолели «зараженный» участок местности, ходили в атаку. А отряд разведчиков под командованием Сергея Топоркова, выполняя боевую задачу, сумел захватить в плен солдата «противника». А этим солдатом оказался зазевавшийся радист нашего взвода рядовой Баннов. Представляю, каково ему будет теперь выслушивать насмешки товарищей!

Шефы довольны. А ребята — те прямо в восторге! Да и мы тоже очень рады. Ведь среди участников игры много будущих солдат. Навыки, приобретенные в «Зарнице», несомненно, пригодятся им в службе.

2 ноября. Письма из дому, от родных, от любимых... Сколько они радости приносят воинам! Когда во взводе появляется наш ротный почтальон, я вспоминаю песню Бернеса: «Когда приходит почта полевая, солдат теплом далеким обогрет». Вот и сегодня письма принесли столько тепла и радости!

После ухода почтальона я зашел в Ленинскую комнату и вижу: счастливики, получившие письма, углубились в чтение. Одни читают молча, другим хочется поделиться полученной радостной весточкой. Подходит с пачкой конвертов рядовой Владимир Карунас, на лице широкая улыбка.

— Товарищ лейтенант! Таня, моя Таня поступила в институт! Вот смотрите, сразу шесть писем от нее! Пишет, что трудно было набрать проходной балл, но она у меня упорная, набрала.

5 ноября. Сегодня во время самоподготовки рядовой

Александр Фадеев показал районную газету с заметкой о самоотверженном труде его отца, шофера автохозяйства, бывшего фронтовика Дмитрия Семеновича Фадеева. В дни страды Дмитрий Семенович возил зерно нового урожая с колхозного тока на хлебоприемный пункт. Дальние рейсы опытный, неутомимый водитель совершал быстрее многих своих товарищей и перевез за лето почти в два раза больше зерна, чем полагалось по нормам.

— А у меня брат тоже среди лучших считается,— вступил в разговор чувашский паренек рядовой Василий Мясников.— Вот смотрите, что о нем наша газета «Ленинский путь» пишет: «Бывший воин, механизатор из совхоза «Живайкинский» успешно справляется с нормами выработки. Бюро райкома ВЛКСМ, подводя итоги социалистического соревнования, признало работу Григория Мясникова лучшей. Комсомольцу Мясникову первому из молодых комбайнеров Барышского района Ульяновской области вручен переходящий Красный вымпел райкома комсомола».

Подумалось, а что, если подготовить и провести во взводе тематический вечер «Нам пишут с родины».

7 ноября. Сегодня здорово устал, но доволен... Взвод участвовал в соревнованиях по физической подготовке, совершил марш-бросок на шесть километров. Настрое-ние у всех бодрое.

По жребию нашему взводу выпало стартовать вторым. Забег мои подчиненные начали ровно. Солдаты и сержанты подбадривали друг друга. Отстающие старались держать равнение на самых выносливых, на таких, как перворазрядник по легкой атлетике рядовой Попов. Младший сержант Сорокин подбадривал и помогал наиболее уставшим солдатам. Он же взял на «буксир» рядового Баннова...

Судьи подсчитали время. Оно неплохое, много лучше, чем у первого взвода. Первенства мы все же не добились. Пришлось довольствоваться третьим, призовым местом. Что ж, быть третьим из двадцати — не так уж и плохо. И все-таки на физическую подготовку надо еще поднажать.

8 ноября. Опять о тропинках к солдатскому сердцу... Я писал о рядовых Манылове и Асаушкине, о тех самых, что чуть не подрались тогда в столовой. После собраний они и глядеть друг на друга не хотят, затаили,

видимо, обиду. А ведь солдат не только боевыми качествами, но и дружбой силен.

Сегодня после занятий мне было приказано выделить двух солдат на погрузку имущества.

Хотел было послать первых попавшихся, но командир отделения младший сержант Александр Сорокин посоветовал:

— Манылова и Асаушкина. Может, помирятся.

Отправил и волнуюсь: а вдруг, оставшись вдвоем, чего доброго, подерутся? Будет «ЧП»...

15 ноября. Подразделение выехало в поле на тактико-строевое занятие по теме «Мотострелковый взвод в наступлении с ходу». Натужно гудит двигатель бронетранспортера, искрится на солнце снег, в немом оцепенении стоят по сторонам дороги заиндевелые деревья. Мороз—будь здоров: тридцать градусов ниже нуля.

Прибыли в район занятий. Сразу же приступаем к отработке одного из основных вопросов: преодоление прохода в заграждениях. Сначала показываю, как надо преодолевать проволочные и минно-взрывные заграждения по проходу, проделанному саперами. Пока сопровождаю пояснениями. Затем приступаю к тренировке.

По команде «Взвод, в атаку — вперед!» обучаемые разворачиваются в цепь и ускоренным шагом устремляются вперед. Заграждения они преодолевают по проделанному проходу при поддержке огнем из пулемета, установленного на бронетранспортере, и своих средств. После этого отделения выходят на свои направления, стремительно врываются на передний край обороны, уничтожают «противника» и продолжают наступление.

Вот исполняющий обязанности командира третьего отделения ефрейтор Ушаков старательно выравнивает подчиненных в одну линию. На это он тратит слишком много времени, хотя необходимости в этом нет. Подзываю Ушакова и объясняю ему, что для удобства ведения огня и лучшего применения к местности солдаты могут несколько выдвинуться вперед или принимать в сторону, не нарушая общего направления цепи и не мешая действиям соседей.

Еще более тщательно пришлось отрабатывать порядок выдвижения отделений в цепи к переднему краю обороны «противника». Все солдаты обучались одновременно. Сержанты в это время находились там, откуда им удобнее следить за действиями подчиненных. Особое

внимание обращалось на меткость метания гранат.

Первая попытка оказалась неудачной: одно из отделений отстало. Во второй раз не получилось одновременного броска гранат. В третий раз только половина гранат попала в траншею «противника».

Заместитель командира взвода сержант Терентьев предложил организовать соревнование между солдатами и отделениями и после тренировок принять от каждого зачет. Так и сделали. Напряжение на занятиях значительно возросло. Вскоре выявились и победители: самое большое количество попаданий гранат в цель оказалось у рядовых Балтобаева и Кима.

Снова, уже в который раз, повторяем атаку. Теперь особое внимание обращаю на то, чтобы к моменту броска гранаты оружие было заряжено. Замену магазина с частично израсходованными патронами на полностью снаряженный воины учатся производить на ходу. Делать это нужно для того, чтобы солдат, подойдя к противнику, не останавливался, а, производя бросок гранаты, решительно устремлялся на его позицию.

Смотрю на часы: время близится к перерыву. Подаю соответствующую команду. Строй распадается. Солдаты плотным кольцом окружили меня.

— Товарищ лейтенант, разрешите развести костер?— обращается ко мне рядовой Ханиф Валеев.

— Перерыв слишком короток. Вы не успеете сделать этого,—отвечаю ему.

— Успеем.

Через три минуты на земле, очищенный от снега, уже ярким пламенем занимался сушняк. Посыпались шутки, слышался смех.

— Доставай сигареты, Саша,—просит один из солдат своего друга — рядового Белкина.

— Покурим, друзья!—к пачке сигарет, только что вынутых из кармана шинели, тянется сразу несколько рук.

Саша Белкин... Веселый, задорный паренек. Во взводе ему отведена роль Теркина. Вот и сейчас, поудобнее устроившись у костра, он начинает читать отрывок из поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин»:

...Вам, ребята, с середины
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.

Вот вы прибыли на место.
Ружья в руки — и вой.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?..

Притихли разговоры, смолк смех. Внимательно слушают чтеца солдаты. Перед их взором, как наяву, встают картины фронтовой жизни. Переживания, радости и огорчения бойцов-фронтовиков становятся понятными, трогают сердца, волнуют. А голос Белкина все звенит и звенит в морозном воздухе.

Александр умеет влиять на чувства товарищей, увлекать сослуживцев на хорошие дела. Да и моральное право он имеет на это: Белкин отлично учится, метко стреляет из пулемета, замечательно играет на баяне, ни дня не может прожить без песни. Он комсгруппорг взвода, инициатор многих культурно-массовых мероприятий в подразделении.

Весело потрескивает костер. Тянутся к огню солдатские руки. Я смотрю на подчиненных. Какие они все простые и интересные люди! Взять хотя бы братьев-близнецов Николая и Василия Храмовых. Служат в армии они первый год. В подразделении о Храмовых говорят как об инициативных, настойчивых в достижении поставленных целей людях. Братья энергично и сноровисто действовали на недавно прошедших тактических учениях и заслужили благодарность от командующего войсками округа.

Храмовы, как две капли воды, похожи друг на друга. На занятиях я различаю их по оружию: Николай — гранатометчик, Василий — автоматчик, а в перерывах — по разговору. Николай — общителен, подвижен, остер на язык. Василий — полная противоположность ему: застенчив, молчалив.

...Быстро бежит время. Пора приступать к занятиям.

Начинаем отработку приема стрельбы на ходу без остановки, с прикладом, прижатым к боку. Показываю выполнение этого приема, объясняю. Затем — практические тренировки.

Научив солдат направлять оружие в цель, стоя на месте, перехожу к выполнению приема в движении. При этом обращаю внимание на необходимость непрерывно наблюдать за целью, координировать движение рук с движением корпуса и производить стрельбу в момент переноса правой или левой ноги вперед.

Занятия приближаются к концу. Коротко подвожу итоги. При этом отмечаю слаженные и сноровистые действия подавляющего большинства воинов взвода, указываю на ошибки тем, кто допускал их в процессе занятий, объясняю, как надо устранять их.

Через полчаса подъезжаем к городку. В казарме воинов встречает почтальон, счастливчикам вручает письма.

Радость озаряет лица рядовых Валерия Югая и Родиона Кима: воины получили письмо от бывшей одноклассницы. Она пишет о своих делах, о подругах, которые ждут их, солдат.

Рядовому Шамахудову прислала весточку мать. «У нас все хорошо,—пишет она.—Пусть так же хорошо все будет и у тебя. Служи честно, старательно».

Я смотрю на воинов и горжусь ими. Мне хочется во весь голос сказать их матерям, отцам и любимым девушкам:

— Будьте спокойны! Солдаты всегда на посту! Они всегда готовы грудью встать за ваше счастье, за Отчизну!

Да, готовы. Для того и учимся. В любую погоду, днем и ночью.

19 ноября. Утром перед разводом подходит ко мне Николай Манылов и с такой хитрецей спрашивает:

— Товарищ лейтенант! Вы нарочно меня вдвоем с Виктором, то есть с рядовым Асаушкиным, на погрузку направили?

— Почему вы так решили?

— Так и Асаушкин думает. Ну, в общем, ничего, мы не в обиде. Виктор все уступал мне груз полегче. А я ведь не слабей его... Одним словом, помирились.

И еще один добрый факт. Младший сержант Сорокин сообщил о том, что Асаушкин неделю назад, будучи дневальным, отстоял две смены — за себя и товарища, который заболел. С одной стороны это — непорядок. Никому не дано права без приказа нарушать распорядок дня. Но с другой... В общем, меняется парень.

20 ноября.

— Лейтенант Лодский, ваш взвод сдал на «отлично» специальную подготовку. Поздравляю вас!

Едва успел произнести эти слова проверяющий, как Владимир оказался в наших объятиях:

— Молодец! Выдержал бой,—немного словно и по-

отечески тепло сказал командир роты майор Фурашов, крепко пожимая лейтенанту руку.

Сжал его локоть и я, шепнув на ухо: «Знай наших, Володька! Мы ведь из дважды Краснознаменного».

Так у нас повелось: где бы ни был, где бы ни служил, помни, откуда вышел в большую жизнь, везде и всюду высоко держи марку родного училища.

— Ну, а завтра ваш черед,—обратился ко мне командир роты.

Не могу сказать, что затряслись поджилки, это будет преувеличением, а червячок засосал под ложечкой. Ну, как заранее предвидеть, как все у меня получится?

Завтра мой взвод сдает экзамен по политической подготовке. Спать не хочется. На столе — раскрытая «Как закалялась сталь». У меня привычка: если волнуясь или чего-то побаиваюсь, открываю Островского. Однажды во время перерыва в стрелковых занятиях читал свою «Сталь» и услышал, как рядовой Николай Киревнин шепнул своему другу: «Смотри, наш лейтенант с Корчагиным советуется».

Подивился тогда меткости определения. А ведь в самом деле советуюсь. Здорово Островский умеет поддерживать, ободрить, натолкнуть человека на доброе дело, помочь найти выход из трудного положения.

По стеклу бегут дождевые капли. Ночь будит воспоминания. Они совсем свежие, живые.

Первые дни офицерской службы сразу же породили сознание ответственности за людей, которых мне доверили, за их судьбы, их будущее. Я переполнен был заботами, недосыпал. Не хватало времени.

Руководствовался правилом: хочешь что-то потребовать от других — научись это делать сам. И все равно не избежал серьезной ошибки. Добился отчисления из учебной команды рядового Абрамова. Добился и вздохнул с облегчением. Доложил вернувшемуся из отпуска командиру роты, которого заменял:

— Товарищ майор! Рядовой Абрамов откомандирован на старое место службы.—И не мог удержаться, чтобы не добавить:—Отмучились...

Так я и рота избавились от «трудного» солдата. Рядовой Абрамов, по моему, в то время глубокому, убеждению, был средоточием всех самых скверных качеств. Он, только в армии отметивший свое девятнадцатилетие, до призыва дважды успел жениться. Еще до прихода в

наше подразделение имел несколько серьезных нарушений воинской дисциплины. И по-хорошему я с ним разговаривал, и строго официально. Вызывали отца. Давал слово исправиться, а делал по-своему. Вот я и добился его отчисления.

Но от моего радостного доклада командир роты как бы потускнел:

— Спасибо говорить не буду. Это вроде брака в нашей работе. Не верю в то, что в 19 лет есть неисправимые солдаты. В чем-то недоработали мы. Не нашли ключа к человеку.

И была у меня после того опять бессонная ночь наедине с собой. Что же, выходит, я сделал? Не справился с задачей сам, передал «трудного» солдата другому командиру. Помучайся теперь, мол, ты. Ничего себе принцип! И, конечно, таких рапортов от меня уже больше никто не слышал.

Много разного было за это время. Вспоминаются тактические учения с боевой стрельбой. Мой взвод получил задание атаковать «противника» и овладеть высотой «Плоская». В бинокль еле виднелись замаскированные мишени. Собрав сержантов, я поставил им боевую задачу.

Перед атакой сильно волновался. Суетился. Хотелось поговорить с каждым солдатом.

Помню, в училище наш преподаватель тактики полковник Фролов рассказывал, как он брал свою первую высоту в годы Великой Отечественной войны под Ельней.

...Держали ее гитлеровцы крепко. Врыли в землю на подступах танки. Четырежды атаковали наши высоту, и все безуспешно.

Новую атаку поручили подразделению лейтенанта Фролова. Он провел ее, используя маневр. Часть роты он оставил на месте и двинул ее в лоб, а сам с двумя взводами обошел противника с фланга.

Атака была удачной. Немцы, сосредоточив свои огневые силы в направлении прямо наступающего на них взвода, только частью огневых средств встретили неожиданно появившихся с фланга советских солдат.

Что-то подобное было и в данной обстановке.

Мне показалось, что левый фланг «противника» наиболее слаб в обороне. А вблизи виднелся березовый колок.

А что, если... Решил атаковать опорный пункт, используя маневр с одним отделением с левого фланга, а с двумя — во фронт.

Атака была успешной. Более 90 процентов мишеней были поражены. Большое одобрение атака получила и со стороны командира.

...Вспоминаю Валерия Григоряна, сколько сил и времени отдал ему! Никак не мог солдат получить по преодолению полосы препятствий хотя бы «тройку».

Приближались итоговые занятия по физической подготовке. Хотелось, чтобы взвод выглядел не хуже других. Поэтому возможности каждого солдата у меня были на учете. А этот — ну просто выводит из себя! Посмотришь — солдат как солдат. Высокого роста, плотный, широкоплечий. Бицепсы как у циркового борца. Быть бы ему отличником. А весь взвод назад тянет. Не любит бегать. Придумывает разные причины, только бы освободиться от этого вида занятий. И взыскания не помогают. Но все-таки нашел я за что уцепиться. Хотя и не любил Григорян спорт, а был заядлым болельщиком-футболистом. Знал все команды, почти всех игроков. Это было явное противоречие. Прекрасное физическое развитие — и такое потребительское отношение к спорту. Однажды я спросил его: хотел ли бы он стать футболистом. Он ответил, что хотел бы. Подзадоривая, я сказал, что ничего у него не выйдет.

— Это почему же?—чуть не обиделся он и поиграл мускулами.—Кажется, бог не обидел.

— Бог не обидел, сам себя обидел. На таких слабых ногах и пяти минут на футбольном поле не удержишься.

Он ничего не ответил, но в глазах его я прочел недоверие. И вот я пригласил его с собой в одно воскресенье на матч двух знаменитых команд.

На стадионе держал Григоряна все время около себя. Он быстро вошел в азарт борьбы и восторженно хлопал удачным ударам любимой команды, огорчался, вскрикивая, когда кто-то из футболистов упускал мяч.

Был в составе команды, за которую мы оба болели, у меня один знакомый игрок.

— Хочешь познакомлю?—спросил я Григоряна.

У него и глаза загорелись:

— Очень хочу!

Мы подождали, когда футболисты отдохнут, примут

душ, переоденутся, и встретили на выходе из раздевалки моего знакомого нападающего. Я познакомил его с солдатом.

— Валерий Григорян. Тоже мечтает о футболе.

Потом, как бы между прочим, я спросил у спортсмена:

— Скажи, что обеспечило вам сегодня успех?

Он ответил сразу:

— Высокая скорость и чувство локтя. Все за честь команды болели.

Валерий шел, опустив голову. Видимо, переживал. Я не читал ему нотаций, не спрашивал, какой он урок извлек из этого матча. Он и сам все великолепно понял. Через два месяца упорной тренировки он получил по физической подготовке «отлично» и установил рекорд части по метанию ручной гранаты.

21 ноября.

— Товарищ полковник, рядовой Филиппов ответ закончил,—четко доложил наш ротный баянист.

— Молодец, товарищ Филиппов, ваш ответ оценен на «отлично»,—сказал проверяющий.

Это была десятая «пятерка» во взводе.

Отвечает рядовой Альберт Сулейманов. Рассказывает о боевых и трудовых традициях советского народа, о новостройках страны. Материал знает твердо, хотя иногда путает падежи. Сказать, что русским овладел в совершенстве, нельзя. И все же солдаты охотно слушают его объяснения по наиболее трудным темам. Он в течение всего периода учился только на «четверки» и «пятерки». Альберт дал взводу еще одну отличную оценку. Рядовой Фомин сдал на «хорошо».

И весь взвод экзамен сдал на «отлично».

* * *

Выходим из ворот части поздно.

Город засыпает. Улицы пустынные. Перед тем, как разойтись по домам, наш старший командир Николай Федорович Абрамкин мне и Владимиру крепко пожал руки и сказал:

— Ну вот, вы и сдали свой самый строгий государственный экзамен, лейтенанты. И впредь так будет — об офицере всегда судят по его солдатам.

ПОБЕЖДАЕТ МАСТЕРСТВО

Километры, километры, километры.... Сколько их прошли на боевых машинах пехоты молодые механики-водители за полгода службы? Сколько их оставили позади воины отделения старшего сержанта Михаила Еглашкина, чувашского паренька из Оренбуржья. Сколько? Сто? Двести? Триста?.. Трудно дать сразу точную цифру. Впрочем, это не столь и важно. Куда важнее другое. То, что водили воины БМП изо дня в день. То, что прикипели они к штурвалам грозных машин. То, что обрели уверенность в обращении с боевой техникой.

И все-таки перед каждым уходом на трассу волнуются механики-водители. «А как оно будет на этот раз?»—мысленно терзают себя и натянутыми улыбками стараются не выдавать своего внутреннего состояния.

Так было и в этот день. Правда, сегодня не волноваться просто нельзя. Потому, что механикам-водителям предстоит совершать длительный марш — первый такой марш в их армейской службе. А трудностей на трассе выпадает немало. На пути есть и ямы, и воронки, и рвы, и многие другие препятствия.

А между тем на предмаршевые волнения солдатам оставались считанные минуты. И, когда рыжий шар солнца, выпутавшись из лапчатых верхушек почерневших деревьев соседнего леса, уплыл высоко-высоко в небо, над танкодромом одна за другой прозвучали команды:

- По машинам!
- Заводи!
- Вперед!

И, напив мартовское утро горьковатой серой дымкой выхлопных газов, боевые машины пехоты, выдавливая гусеницами четкие узоры на размякшем весеннем снегу, ушли на трассу.

За штурвалом управления первой — рядовой Сергей Михайлов, второй — рядовой Сергей Коровин, третьей...

Впрочем, о Михайлове и Коровине. И тот, и другой попали в одно отделение учебного подразделения. Оба взяли высокие социалистические обязательства: стать отличниками боевой и политической подготовки. Оба решили соревноваться между собой. Оба шли день ото дня, что называется, нога в ногу. И только на последнем занятии по вождению БМП рядовой Михайлов за-

хватил лидерство: он получил «пятерку», а его соперник — лишь «четверку». Однако рядовой Коровин не помышлял сдаваться, он решил взять реванш на сегодняшнем марше.

— Ну, тезка,— заявил Коровин Михайлову в утро перед маршем,— на спринтерской дистанции твой стальной конь все-таки обошел моего. А вот в марафоне мы еще потягаемся.

— Я всегда готов,— ответил с улыбкой тот.

На прошедшем комсомольском собрании оба дали слово выполнить сложную задачу на отлично. Но оба ли сдержат слово и кто из них выйдет победителем — наперед загадывать трудно: ведь шансы на победу у них также равны, как и одинаковы — на поражение. Так что, как обернется борьба, кому улыбнется фортуна — покажет время. А между тем оно неумолимо наматывало на гусеницы боевых машин пехоты трудные километры трассы.

БМП, за штурвалом которой рядовой Сергей Михайлов, вынырнув из неглубокого оврага, стремительно идет по снежной целине, плавно раскачиваясь на волнах рельефа. Посмотришь на грозную машину со стороны и не подумаешь, что ведет ее молодой механик-водитель: так она в руках воина послушна и безотказна. Значит, есть у солдата мастерство, значит, есть у него шанс на победу.

Уверенно ведет боевую машину и рядовой Сергей Коровин. Правильно преодолевает заледевшие участки местности, рвы, воронки, снежные заносы. Где на сниженных, где на повышенных скоростях, но в каждом случае механик-водитель принимает оптимальное решение. Потому-то его машина постоянно сидит на «хвосте» БМП соперника. Видать, велико желание у солдата выйти победителем в соревновании.

Мастерски управляют техникой и остальные воины. Например, рядовые Николай Казанцев, Маулет Тонереков и другие. Решительно покоряя препятствия, они уверенно ведут машины по трассе, до конца которой остались считанные километры.

А вот и контрольный рубеж. Пройдя его, замерли боевые машины пехоты, уперев стволы-хоботы в розовый закат горизонта и, кажется, ненасытно пьют, пьют пьянящий аромат весеннего леса. А рядом с ними, забросив на спину ребристые шлемофоны, радостно улы-

баются повелители этих грозных машин — молодые механики-водители.

Лицо рядового Сергея Михайлова в капельках пота, глаза умные и добрые — искрятся радостно.

Взьерошив шершавой ладонью волосы, он внимательно смотрит на Сергея Коровина. Оба улыбаются.

Позже командир вызовет их из строя и объявит благодарность за отличное выполнение упражнения. Позже они крепко пожмут друг другу руки (на этот раз они оба — победители), и Коровин скажет Михайлову:

— Мы еще поборемся.

— К бою всегда готов, — бодро ответит Михайлов.

Позже они будут восторженно делиться мыслями о прошедшем марше, а пока... Пока оба наслаждаются красотой и силой вверенных им машин и, радостно улыбаясь, о чем-то мечтают. О чем? Возможно, о том, чтобы вновь сесть за штурвал и стремительно атаковать новые и новые препятствия, решительно оставить позади очередные километры трудных трасс, неустанно шлифуя на них боевое мастерство. Шлифуя так, чтобы к концу службы оставлять машиной на трассе только первоклассные автографы. А они у воинов непременно будут.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Каравай	3
Цветы у обелиска	4
Тюбетейка	—
Письмо	5
Вымпел в кабине	7
«Космонавт руку жал»	8
Часы	9
Яблоки дяди Аркадия	10
Поклоны старушки	11
День рождения	12
Дружба мужская, солдатская	14
Живой памятник	—
Кухня	15
«У нас собака...»	16
Солдатский котелок	17
Патруль	19
Восьмая мина	—
Зимой, морозной ночью	22
Музы не молчат	24
Алые маки старшины	26
Тополя растут хорошо	29
Годы лейтенантские (из записок офицера)	32
Побеждает мастерство	59

Для старшего школьного возраста

Измаил Михайлович Григорьев

ИБ 1401

НА СЛУЖБЕ СОЛДАТСКОЙ

Редактор А. И. Волков. Художник С. А. Владимиров.
Художественный редактор Е. Е. Михайлова. Техниче-
ский редактор Н. В. Васильева. Корректор А. И. Елисина.

Сдано в набор 29.09.82. Подписано к печати 14.03.83.
НТ 21187. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л.
3,36. Усл. кр.-отт. 3,62. Учетно-изд. л. 3,32. Физ. печ. л.
2,0. Тираж 15000 экз. Заказ № 4017. Изд. № 76. Цена
10 коп. Чувашское книжное издательство. Чебоксары,
пр. Ленина, 4. Типография № 1 Государственного ко-
митета Чувашской АССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли. Чебоксары, Канашское
шоссе, 15.

Григорьев И. М.
Г 83 На службе солдатской: Рассказы и зарисовки.—Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983.—64 с., 10 к.

Книга посвящена будням советских воинов. Ее герои — вчерашние школьники — постигают трудности армейской жизни, учатся боевому мастерству и умению у старших товарищей.

83. Зр7

10 коп.